Θ. Е. Мельниковъ.

с. 2
М. 422 к

КЪ ВОПРОСУ О БОГОСЛОВІИ БѢЛОКРИНИЦКАГО УСТАВА.

7329

МОСКВА, 1911 г.

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНАГО
МУЗЕЯ
1г

ПРО

ВХ
601

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
90 ½
53

МОСКВА.
Типография П. П. Рябушинскаго, Страстн. бул., Путинковскій пер., соб. д.
1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Знаменитый старообрядческій инокъ Павелъ, прозванный Бѣлокриницкимъ, составилъ въ 1841 г., по требованію австрійскаго правительства, „Уставъ Бѣлокриницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря“, находящагося въ Буковинѣ (въ Австріи). „Уставъ“ былъ составленъ,—свидѣтельствуетъ проф. Н. И. Субботинъ, авторъ „Исторія Бѣлокриницкой іерархіи“,—не для того собственно, чтобы служить руководствомъ для монастырскихъ властей и монастырскаго братства, быть изложеніемъ правилъ обязательныхъ для непремѣннаго исполненія всѣми живущими въ монастырѣ; важнѣйшимъ его назначеніемъ, по требованію обстоятельствъ, было—служить предъ правительствомъ: 1) своего рода апологіей липованскаго (т.-е. старообрядческаго) монастыря, оправданіемъ его существованія, и 2) документальнымъ основаніемъ для разъясненія и желаемаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи въ монастырѣ архіерейской старообрядческой каѳед-

ры“ („Истор. Бѣлокр. іерархіи“, вып. I, стр. 172, изд. 1874 г.). Написанный на основаній священнаго Писанія и многочисленныхъ святоотеческихъ твореній и старопечатныхъ книгъ, богослужебныхъ и полемическихъ, „Уставъ“ бѣлокриницкій ни въ комъ изъ старообрядцевъ не вызывалъ никакихъ сомнѣній относительно изложенныхъ въ немъ церковныхъ догматовъ и правилъ монастырскаго общежитія, тѣмъ болѣе, что онъ предназначался не для руководства самихъ старообрядцевъ, а лишь для свѣдѣнія австрійскаго правительства.

Но черезъ четверть столѣтія послѣ составленія „Устава“ изъ-за него возникла горячая полемика между старообрядцами и полемистами господствующей въ Россіи церкви. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія нѣсколько членовъ старообрядческой іерархіи уклонилось въ единовѣріе. Они первыми заподозрили въ догматическихъ погрѣшностяхъ бѣлокриницкій „Уставъ“. Нападки ихъ на твореніе инока Павла поддержалъ проф. Н. И. Субботинъ. Затѣмъ выступилъ противъ богословія бѣлокриницкаго „устава“ извѣстный миссіонеръ архимандритъ Павелъ Прусскій. Защиту „Устава“ со стороны старообрядцевъ велъ священно-инокъ Арсеній Швецовъ, впослѣдствіи епископъ уральскій. Возникшая полемика произвела не малое смущеніе среди старообрядцевъ. Здѣсь она породила нѣкоторые споры между самими старообрядческими писателями.

Споры эти, то замиравшіе, то снова возни-

кавшіе, были окончательно прекращены въ 1902 г. Освященный соборъ старообрядческихъ епископовъ, состоявшійся въ означенномъ году, вынесъ слѣдующее опредѣленіе по поводу споровъ изъ-за бѣлокриницкаго „Устава“: „Освященный соборъ заявляетъ, что наша старообрядческая Христова Церковь всегда содержала и нынѣ содержитъ неизмѣнно символъ православной вѣры и пріемлетъ все священное Писаніе, опредѣленія святыхъ соборовъ и ученія свв. отецъ, которыя только и признаетъ обязательными для руководства и рѣшенія всякихъ недоразумѣній и пререканій, не пріемля никакихъ нововведеній и мнѣній, не согласныхъ съ священнымъ Писаніемъ и ученіемъ святыхъ соборовъ и святыхъ отецъ“.

Послѣ настоящаго соборнаго опредѣленія и прекращенія въ старообрядческой Церкви всякихъ сомнѣній относительно богословскихъ ея вѣрованій, изданіе сочиненія въ родѣ предлагаемаго нами является, казалось бы, совершенно излишнимъ. Къ сожалѣнію, соборное опредѣленіе не могло прекратить миссіонерскія нападки на старообрядческую Церковь изъ-за бѣлокриницкаго „Устава“. Они по прежнему обвиняютъ „Уставъ“ и нашу Церковь въ богословскихъ погрѣшностяхъ. За ихъ обвиненіе ухватились и нѣкоторые старообрядцы-бѣглопоповцы. Послѣдніе указываютъ на бѣлокриницкій „Уставъ“, какъ на единственную теперь преграду, не допускающую ихъ къ соединенію съ старообрядческой іерар-

хіей. Эти обстоятельства и вынудили насъ издать настоящее сочиненіе. Въ видѣ статей оно печаталось въ журналѣ „Церковь“. Здѣсь, въ отдѣльномъ изданіи, оно нѣсколько исправлено и значительно дополнено.

Авторъ.

Къ вопросу о богословіи Устава Бѣлокриницкаго монастыря.

I.

Современные богословы.

Бога можно видѣть только съ чистымъ сердцемъ: „Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“—сказалъ Христосъ (Мѳ., гл. V, ст. 8). Вотъ почему пророкъ Давыдъ, прежде чѣмъ обратиться къ Господу съ мольбою: „Не отверзи мене отъ лица Твоего“, просилъ: „сердце чисто созижди во мнѣ Боже“ (псал. 50). Чистое сердце есть справедливый судья нашъ. По словамъ апостола Іоанна, мы и истину познаемъ нашимъ чистымъ сердцемъ: „если сердце,—говоритъ онъ,—осуждаетъ насъ, то значитъ и Богъ насъ осуждаетъ; если же оно не осуждаетъ, то мы тогда имѣемъ дерзновеніе къ Богу и чего ни попросимъ, получимъ отъ Него, потому что соблюдаемъ заповѣди Его и дѣлаемъ благоугодное предъ Нимъ“ (1-е Іоанн. III, 19—22). Злое, развращенное сердце не только не можетъ привести къ Богу, понять Его, оно вообще неспособно творить доброе дѣло. „Отъ избытка бо сердца и уста глаголютъ“,—говоритъ Христосъ.—„Добрый человѣкъ изъ

добраго сокровища сердца своего выноситъ доброе, а злой человѣкъ изъ злого сокровища своего выноситъ злое“ (Лк. VI, 45). Христіанское любомудріе и богопознаніе можетъ исходить только отъ любви, чистаго сердца, доброй совѣсти и нелицемѣрной вѣры. Безъ этого же не можетъ быть „Божьяго назиданія въ вѣрѣ“, а лишь одно пустословіе, споры и басни (1-е Тимоѳ. I, 4—5). Нехранящіе таинствъ вѣры въ чистой совѣсти не допускаются до служенія Богу, какъ не допускаются къ Нему люди порочные, безчестные, двоязычные и пристрастные къ вину (гл. III, ст. 8—10). Какое можетъ быть отъ нихъ богопознаніе, когда они не въ состояніи себя понять. Какое можетъ быть отъ нихъ назиданіе, поученіе, увѣщаніе, когда они не имѣютъ въ себѣ ни совѣсти чистой, ни добраго сердца. Апостолъ Павелъ писалъ ученику своему Тимоѳею: „Будь образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, чистотѣ“, и только „такъ поступая, и себя спасешь и слушающихъ тебя“ (IV, 12, 16). И св. Григорій Богословъ часто говорилъ, что разсуждать о Богѣ можетъ только тотъ, кто добрыми дѣлами и чистымъ безпорочнымъ житіемъ приготовилъ себя къ любомудрію. „Восходи,—говоритъ онъ,—посредствомъ дѣлъ, чтобы чрезъ очищеніе пріобрѣтать чистое. Хочешь ли со временемъ стать богословомъ и достойнымъ Божества?—Соблюдай заповѣди, и не выступай изъ повелѣній. Ибо д ѣ л а, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію. Трудись тѣломъ для души“ (Твореніе его, ч. 2, сл. 20, стр. 142). Онъ и о себѣ говоритъ, что не могъ приступить къ богословствованію безъ надлежащаго приготовленія себя къ этому высокому ученію. „Зная, что не достоинъ великаго Бога и жертвы, и архіерея, кто не представитъ себя самого въ живую жертву Богу, или, лучше сказать, самъ не содѣлается святымъ и живымъ храмомъ живого Бога.

Зная все сіе, могъ ли я, какъ самъ необдуманно приступить къ преподаванію ученія о Богѣ, такъ и одобрить приступающаго къ сему дерзновенно? И желаніе непохвально, и предпріятіе трудно!“ (стр. 134). Онъ скорбѣлъ душой, когда видѣлъ, что въ его время появлялись скороспѣлые богословы. „Когда смотрю на усиливающуюся нынѣ болѣзнь языка, на скороспѣлыхъ мудрецовъ, на производимыхъ вновь богослововъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобы стать мудрыми,—тогда ощущаю потребность высшаго любомудрія, ищу съ Іереміею виталища послѣдняго (Іер. 9, 2.) и желаю быть съ самимъ собою“ (стр. 131). „Любомудрствовать о Богѣ,—говоритъ св. Григорій Богословъ противъ еретиковъ евноміанъ,—можно не всякому,—да, не всякому.—Это пріобрѣтается не дешево и не пресмыкающимися по землѣ. Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не передъ всякимъ и не всего касаясь, но должно знать: когда, передъ кѣмъ, и сколько. Любомудрствовать о Богѣ можно не всѣмъ, потому что способны къ сему люди испытавшіе себя, которые провели жизнь въ созерцаніи, а прежде всего очистили, по крайней мѣрѣ очищаютъ, и душу и тѣло. Для нечистаго же, можетъ быть, небезопасно и прикоснуться къ чистому, какъ для слабаго зрѣнія къ солнечному лучу“. „Дѣйствительно, нужно упразднiться, чтобы разумѣть Бога (пс. 45, 11) и егда пріемлешь время судить о правотѣ богословія (пс. 74, 3). Предъ кѣмъ же мжно?—Предъ тѣми, которые занимаются симъ тщательно, а не на-ряду съ прочими толкуютъ съ удовольствіемъ и объ этомъ послѣ конскихъ ристаній, зрѣлищъ и пѣсней, по удовлетвореніи чреву и тому, что хуже чрева; ибо для послѣднихъ составляетъ часть забавы и то, чтобъ поспорить о такихъ предметахъ и отличиться тонкостью возраженій“ (Твор. Григорія Богослова, ч. 3, сл. 27, стр. 5).

Съ глубокимъ прискорбіемъ приходится и въ наше время отмѣчать, что за богословскіе вопросы берутся люди, не только не подготовившіе себя къ богомудрію добрыми дѣлами и чистою подвижническою жизнью, но совершенно порочные, безчестные, съ нечистыми мыслями, развращенной душой и грязнымъ тѣломъ. Въ роли обличительныхъ богослововъ въ послѣднее время выступили два противостарообрядческихъ миссіонера: нижегородской епархіи—Ѳеодоръ Кругловъ и костромской—о. Евѳимій Зубаревъ. Оба они занимаютъ среди другихъ миссіонеровъ господствующей церкви самое видное мѣсто, они такъ сказать—лучшіе брилліанты въ миссіонерской коронѣ и яркій блескъ ихъ совершенно затмѣваетъ остальные камушки въ этой коронѣ. Оба они сотрудничаютъ въ миссіонерскихъ журналахъ и только имъ однимъ поручается вести съ старообрядцами собесѣдованія по догматическимъ вопросамъ. Есть среди миссіонеровъ не мало лицъ съ высшимъ академическимъ образованіемъ. Но они не смѣютъ назначать бесѣды съ старообрядцами о богословіи, имъ не дано на это разрѣшенія. Только объ аллилуіи, перстосложеніи они могутъ разсуждать на бесѣдахъ, да и то тогда только, когда на нихъ нѣтъ старообрядческихъ собесѣдниковъ. Кругловъ же и Зубаревъ пишутъ и бесѣдуютъ по богословскимъ вопросамъ. Они спеціализировались на богословіи. Правда, Кругловъ очень скоро разбился на этомъ пути. Сами миссіонеры признали и объявили его еретикомъ (см. „Миссіон. Обозр.“, 1905 г., № 7—8, стр. 1163). Но авторитетъ о. Зубарева стоитъ твердо. Въ концѣ 1909 года онъ выпустилъ въ свѣтъ тоненькую брошюрку подъ заглавіемъ „Бѣлокриничное старовѣріе“. Въ ней онъ разсуждаетъ о такомъ высочайшемъ догматѣ христіанства, какъ рожденіе Сына Божія отъ Отца, и пытается доказать, что „Бѣлокриничная вѣра въ старообрядчествѣ

есть старовѣріе проклятаго еретика Арія, которое помогъ ему изобрѣсть древній врагъ Божій“ (стр. 1).

Мы видѣли, какихъ качествъ требуютъ отъ богослова св. апостолъ Павелъ и св. Григорій Богословъ. Онъ долженъ проводить жизнь въ созерцаніи и имѣть чистую душу и тѣло. Какими же качествами обладаютъ современные богословы господствующей церкви и вообще миссіонерская корпорація, въ составъ которой входятъ Кругловъ и Зубаревъ, какъ лучшее украшеніе ея, какъ отборный ароматный букетъ среди полевыхъ цвѣтовъ? Обратимся за справками къ компетентнымъ и безпристрастнымъ въ этомъ дѣлѣ свидѣтелямъ.

Одно время близко стоялъ къ противостарообрядческому миссіонерству извѣстный „старый публицистъ доброй школы“ С. К. Эфронъ (Литвинъ). По словамъ болѣе извѣстнаго публициста той же школы, С. Ѳ. Шарапова, г. Эфронъ „имѣетъ драгоцѣнный запасъ данныхъ наблюденій“, у него „художественное чутье и тонкое знаніе бюрократическихъ повадокъ, внесшихъ такое страшное разложеніе въ церковную жизнь“ (предисловіе къ брош. Эфрона „Миссіонеры и начетчики“, стр. 2). Что же увидѣлъ въ миссіонерской средѣ этотъ тонкій наблюдатель? „Боже мой, — восклицаетъ онъ, изучивъ миссіонеровъ непосредственно, — какую злобу и ненависть обнаруживаютъ гг. миссіонеры не только къ раскольникамъ и сектантамъ, но и другъ къ другу! Разложеніе среди миссіонерской рати (выраженіе В. М. Скворцова) такъ велико, что они его уже не только не замѣчаютъ, но сами же выставляютъ свое разложеніе наружу и какъ будто хвастаются имъ. Ибо какъ иначе можетъ быть названа полемика миссіонеровъ между собой, какъ не гнилостнымъ разложеніемъ самаго миссіонерства“. „Какъ ни пріучали меня

оо. миссіонеры и миссіонеры свѣтскіе къ саморекламированію, цинизму и наглой откровенности въ пріемахъ „полемическихъ“, но на этотъ разъ они даже меня, человѣка привычнаго, удивили. Если они такъ безпощадно цинично относятся другъ къ другу, то можно себѣ представить, къ какимъ „полемическимъ“ красотамъ прибѣгаютъ они въ своихъ спорахъ съ раскольниками и сектантами!“ („Миссіонеры и начетчики“, стр. 85—86).

Такими красотами наполнено послѣднее произведеніе „богословскаго“ пера о. Зубарева. Какое онъ имѣлъ „созерцаніе“, въ какой пребывалъ „чистотѣ“, чтобы надлежащимъ образомъ подготовиться къ богословствованію, объ этомъ разсказываетъ другой непосредственный наблюдатель современнаго миссіонерства, близкій другъ и соратникъ о. Зубарева, теперешній епархіальный нижегородскій миссіонеръ И. Г. Водягинъ. Однажды я,—разсказываетъ онъ,—„увидѣлъ саквояжъ „утомленнаго дорогой“ костромского миссіонера о. Евѳимія Зубарева. Я сразу подумалъ, что въ этомъ саквояжѣ привезены какія-нибудь миссіонерскія книги, поспѣшилъ его открыть. Но моему взору представилось совсѣмъ неожиданное. Здѣсь были двѣ бутылки водки, въ одной изъ нихъ половина была отпита; фунтъ вареной колбасы, которая, за неимѣніемъ ножа, очевидно, торопливо кусалась зубами проповѣдника, съ десяткомъ огурцовъ, разсыпавшаяся соль и копеечный пряникъ. Въ другомъ отдѣленіи саквояжа лежалъ маленькаго формата Новый Завѣтъ, книга правилъ свв. апостолъ и миссіонерская памятная книжка. Батюшка подлегъ къ открытому саквояжу и невнятно произнесъ: „Ну, Ив. Гр., вы больше здѣсь живете, а гдѣ здѣсь можно на счетъ этого?...—показывая мнѣ на водку,—а то какъ бы здѣсь не попасться“!.. На такой странный вопросъ епархіальнаго миссіонера я

сразу не могъ отвѣтить и безъ всякаго сознанія указалъ на дверь ретирада“ („Слово Правды“, 1907 г., № 58). Вотъ какъ и гдѣ готовился о. Зубаревъ къ своему „любомудрію“ и „богословствованію“. Вмѣсто молитвы—пьянство, вмѣсто храма Божія—ретирадъ. Какой же чистоты души и тѣла можно пріобрѣсть такими подвигами. Чего можно ждать отъ сердца, воспитаннаго въ такомъ мерзостномъ мѣстѣ. Это не сердце, а выгребная яма съ отвратительнымъ зловоніемъ. На что способенъ современный костромской „богословъ“, можно судить изъ сообщенія „Поволжскаго Вѣстника“ за 1909 г., издающагося въ Костромѣ. Въ сообщеніи говорится, что „миссіонеръ-священникъ о. Е. Зубаревъ привлекается за оклеветаніе въ печати преподавателя духовной семинаріи С. Н. Романовскаго“ (№ 1009). Нужно замѣтить, что и Романовскій, прошедшій миссіонерское поприще, по своимъ душевнымъ качествамъ не лучше любого миссіонера. И если тѣмъ не менѣе онъ возмутился выходками Зубарева и привлекъ его къ уголовной отвѣтственности за позорныя дѣянія, то можно представить себѣ, какими исключительными достоинствами обладаетъ современный богословъ изъ города Костромы. Въ такомъ случаѣ,—можетъ замѣтить читатель,—стоитъ ли обращать вниманіе на сочиненія подобнаго богослова. Конечно, не стоитъ, отвѣтимъ мы. Но дѣло не въ немъ, а во всемъ миссіонерствѣ господствующей церкви, онъ лишь показатель „внутренняго его достоинства, его силы и красоты“. Вышеназванная брошюра его не заслуживаетъ того, чтобы о ней говорить; признаться, мы чувствуемъ въ себѣ брезгливость при одномъ прикосновеніи къ ней. Но обратите вниманіе,—съ какимъ удовольствіемъ смакуютъ ее сами миссіонеры, даже стоящіе повыше о. Зубарева. „Миссіонерское Обозрѣніе“, этотъ „единственный научно-популярный органъ внут-

ренней православной миссіи", какъ само оно рекламируетъ себя, издающееся подъ руководствомъ и отвѣтственностью трехъ редакторовъ: Скворцова, Гринякина и Смирнова, цѣликомъ перепечатало на своихъ страницахъ вышеназванное „богословское" сочиненіе о. Зубарева, давъ ему лишь новое оглавленіе: „Обманъ и ересь, какъ начало Бѣлокриничнаго старовѣрія" (№ 11 „Мисс. Обозр.", 1909 г., стр. 1677—1687). Значитъ, этотъ „трудъ" есть голосъ всего миссіонерства, это его богословская основа. Брошюра Зубарева распространена въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, ею гордятся „православные" ревнители, какъ „послѣднимъ словомъ богословской науки". Ее поэтому нельзя пройти полнымъ молчаніемъ.

II.

Въ чемъ ересь бѣлокриницкаго Устава.

Все „богословствованіе" миссіонера Зубарева, какъ и все, что онъ пишетъ противъ старообрядчества, заключается въ беззастѣнчивыхъ передержкахъ, шутовствѣ, лжи и клеветѣ. Онъ обвиняетъ бѣлокриницкій „Уставъ" въ аріанствѣ. Объ этой ереси писали проф. Субботинъ, архимандритъ Павелъ Прусскій и друг.; но они, несмотря на всю проявленную ими въ этомъ вопросѣ недобросовѣстность и пристрастіе, все же сохранили приличіе въ своихъ обвиненіяхъ противъ бѣлокриницкаго „Устава", писали не явно кощунственнымъ тономъ, а какъ-будто серьезно и убѣжденно. А. о. Зубаревъ пишетъ о догматическихъ истинахъ грубо и шутовски. Онъ не сознаетъ, что къ вопросу о Богѣ слѣдовало бы имѣть иное отношеніе. Послушайте съ какого онъ оговора начинаетъ свой походъ противъ бѣлокриницкаго „Устава".

„Еретическое ученіе въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ“ требовалось потому,—утверждаетъ о. Зубаревъ,—что австрійское правительство, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній о липованской вѣрѣ, не дѣлало строгаго различія между липованами и австрійскими подданными православной и греко-восточной религіи, а потому и учрежденіе особой липованской іерархіи въ Бѣлой-Криницѣ могло признать ненужнымъ при существованіи въ австрійскихъ предѣлахъ іерархіи православной. Вотъ почему Павелъ Бѣлокриницный и внесъ въ „Уставъ“ проклятую аріанскую ересь: гибни у старообрядцевъ православная вѣра, лишь бы только была своя особая лжеіерархія! Поэтому онъ ясно опредѣляетъ права имѣющаго быть начальника своей лжеіерархіи, чтобы онъ во всемъ неизмѣнно поступалъ „якоже въ (аріанско-еретическомъ) монастырскомъ уставѣ изъяснено“ (стр. 6 брошюры: „Бѣлокриничное старовѣріе“).

Позволительно спросить, на чемъ же основано это утвержденіе? Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ въ какомъ-нибудь актѣ австрійскаго правительства сказано: „Такъ какъ старообрядцы, судя по представленному ими „Уставу“, отличаются отъ православныхъ буковинцевъ самой вѣрой своей въ Св. Троицу, то признать ихъ отдѣльнымъ исповѣданіемъ“. Или пусть намъ укажутъ, что кто-либо изъ правительственныхъ лицъ обратилъ вниманіе на богословіе бѣлокриницкаго „Устава“, какъ на догматическое отличіе старообрядцевъ отъ австрійскихъ подданныхъ греко-восточной религіи. Мы имѣемъ, напротивъ, неопровержимое доказательство, подтверждающее какъ разъ обратное, — что богословіе бѣлокриницкаго „Устава“ было признано во всемъ сходнымъ съ догматами греко-восточной церкви. „Австрійскія власти,— говорится въ „Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи“ Суб-

ботина,—относительно присланнаго крайзамтомъ Бѣлокриницкаго монастыря „Устава“, нашли необходимымъ узнать предварительно мнѣніе православнаго буковинскаго епископа Евгенія, какъ главнаго въ области начальника по дѣламъ православной церкви, въ которой липоване считались имѣющими болѣе близкое отношеніе, нежели ко всѣмъ другимъ существующимъ въ имперіи исповѣданіямъ. Преосвященный Евгеній Гакманъ, русинъ по происхожденію, человѣкъ образованный и глубоко преданный православію, всегда интересовался судьбою липованъ, какъ людей славянскаго племени и бывшихъ нѣкогда православными: онъ старался поддерживать сношенія съ ними, бывалъ даже въ монастырѣ Бѣлокриницкомъ,—и липоване вообще относились къ нему съ уваженіемъ“. „Получивъ на разсмотрѣніе монастырскій „Уставъ“ епископъ Евгеній считалъ своимъ долгомъ войти въ подробное обсужденіе изложенныхъ въ немъ религіозныхъ мнѣній“.

Вотъ кто первымъ разсмотрѣлъ бѣлокриницкій „Уставъ“ по порученію австрійскаго правительства. Высокій духовный сановникъ, человѣкъ съ богословскими познаніями. Какія-же отличительныя ереси онъ нашелъ въ „Уставѣ“? „Относительно вѣроученія липованъ и правилъ иноческаго общежитія онъ отозвался,—говоритъ проф. Субботинъ,—что они въ существенномъ своемъ содержаніи ничѣмъ почти не разнятся отъ принимаемыхъ православною церковью; все различіе состоитъ только въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ“ (стр. 208—210 „Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи“, Субботина, изд. 1874 г.). Какъ же дерзаютъ о. Зубаревъ и другіе его единомышленники обвинять инока Павла въ намѣренномъ внесеніи въ „Уставъ“ явной ереси, что бы только отли-

чить свое исповѣданіе отъ греко-восточной религіи. Если ужъ спеціалистъ-богословъ не нашелъ въ „Уставѣ“ ереси, то могли ли ее отыскать свѣтскіе чиновники Австріи. Значитъ совершенно напрасно было бы стараніе инока Павла, если бы и на самомъ дѣлѣ онъ задумалъ путемъ сознательнаго внесенія ереси добиться особыхъ льготъ старообрядцамъ въ Австріи. Совсѣмъ не требовалось Павлу этого дѣлать. За 60 лѣтъ до составленія бѣлокриницкаго „Устава“, когда Павла и на свѣтѣ еще не было, австрійское правительство установило полную независимость буковинскихъ старообрядцевъ отъ буковинскаго епископа восточнаго исповѣданія. Въ „Матеріалахъ для исторіи Бѣлокриницкой іерархіи“, изданныхъ Субботинымъ, напечатанъ правительственный указъ отъ 19 января 1784 г. „О неподлежаніи липовановъ вѣдомству ни буковинскаго епископа, ни карловицкаго митрополита и о вольности имѣть себѣ священника, отколь они хотятъ“ (стр. 8). Не зачѣмъ, стало быть, и выдумывать какое бы то ни было различіе старообрядцевъ отъ греко-восточныхъ буковинцевъ, когда оно давнымъ-давно было признано правительствомъ.

Очень характерно это мнѣніе о. Зубарева объ инокѣ Павлѣ Бѣлокриницкомъ, что онъ былъ будто бы способенъ внести въ „Уставъ“ сознательно и намѣренно „проклятую аріанскую ересь“. Очевидно, о. Зубаревъ по себѣ судитъ. Инокъ Павелъ по своей горячей вѣрѣ и глубокимъ познаніямъ христіанскихъ истинъ, по необыкновенной чистотѣ жизни и кристальнымъ качествамъ своей души былъ выдающимся человѣкомъ. Нѣтъ ни одного темнаго пятнышка на его свѣтлой, какъ солнце, душѣ. По словамъ Субботина, инокъ Павелъ „горячо вѣрилъ въ свое высшее предназначеніе“, былъ твердо „увѣренъ въ неусыпной бдительности надъ нимъ высшаго Руководителя“. На дѣло

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР
БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ

исканія епископа онъ смотрѣлъ какъ на „опредѣленіе Божіе“ („Исторія Бѣлокр. іерархіи“, стр. 107—109, изд. 1874 г.). Каждый свой шагъ, каждое начинаніе онъ согласовалъ съ волей Божіей. На все онъ призывалъ благословеніе Бога. Какъ можно думать, что онъ руководился іезуитскимъ правиломъ: „гибни у старообрядцевъ православная вѣра, лишь бы только была своя особая лжеіерархія“, когда онъ отстаивалъ каждую букву нашего вѣроученія и готовъ былъ итти за нее на смерть. Онъ былъ преисполненъ апостольской ревности о Христѣ. Стоитъ только одни письма его прослѣдить, чтобы вынести непоколебимое убѣжденіе, что онъ всегда держался не іезуитскаго правила: цѣль оправдываетъ средства, а твердости и прямодушія св. Максима Исповѣдника и заодно съ нимъ говорилъ: „Аще и вся вселенная начнетъ съ еретиками причащатися, азъ не имамъ причаститися съ ними: вѣмъ бо Духа Святаго, черезъ апостола Павла, и ангеловъ анаѳемѣ предающаго, аще бо инако благовѣстили, новое что вносяще“ (Четь-Минея, 21 января). Подвести себя намѣренно подъ анаѳему инокъ Павелъ не могъ. Миссіонеръ Зубаревъ по обыкновенію своему просто наклеветалъ на него.

Въ чемъ же однако заключалась ересь въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ“?

„Бѣлокриничная вѣра въ старообрядчествѣ,—„богословствуетъ“ о. Зубаревъ,—вѣра новая; сама же по себѣ она — старая, именно: старовѣріе проклятаго еретика Арія, которое помогъ ему изобрѣсть древній врагъ Божій. Это ужасное бѣлокриничное старовѣріе изложено извѣстнымъ инокомъ Павломъ въ бѣлокриничномъ „Уставѣ“, въ главѣ 1-й, слѣдующимъ образомъ: „Достоитъ разумѣвати, яко Богъ сыи свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ есть; точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя

единосущное во умѣ Слово Сына своего; Его же, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго, въ первомъ изреченіи: „Да будутъ вѣцы“, нетлѣнно родилъ, сирѣчь во исхожденіи со присносущнымъ Духомъ своимъ Святымъ отъ сердца отрыгнулъ“. „Эта ересь заимствована буквально у проклятаго Арія, почему бѣлокриничные староаріане вѣруютъ и въ Троицу „равнобожную“, чтобы несѣкомое божество разсѣчь на трое“ (стр. 1). „По бѣлокриничному „Уставу“ выходитъ: Богъ „бѣ въ молчаніи“; потомъ восхотѣлъ сотворить вѣки, заговорилъ и „родилъ“ Сына; при „первомъ“ же изреченіи, какъ началъ говорить, „отъ сердца отрыгнулъ“ и Духа Святаго. Что можетъ быть нечестивѣе и богохульнѣе этого бѣлокриничнаго „изреченія“ и „отрыжки“ (стр. 13). .

Современный „богословъ“, какъ видно, совсѣмъ не понимаетъ того, о чемъ взялся разсуждать. Св. Григорій Богословъ сѣтовалъ, что въ его время брались судить о догматахъ христіанскихъ люди порочные. „Прежде, — говоритъ онъ, — небезопаснымъ почиталось сказать одно лишнее слово, а нынѣ злословимъ людей самыхъ благочестивыхъ. Прежде не позволялось читать законъ извнѣ и призывать исповѣданіе (Ам. 4, 6), то-есть, какъ я разумѣю, народное одобреніе; а нынѣ и о неизреченныхъ тайнахъ допускаютъ судить людей осквернен ныхъ, повергая святая псомъ и бросая бисеры передъ свиньями“ (Матѳ. 7, 6) (Твор. его, ч. II, сл. 23, стр. 191). Гнѣвно обличалъ и св. Златоустъ людей, смѣющихся надъ таинствами вѣры. „Я,—говорилъ онъ, — встрѣчаю по дорогѣ людей, не имѣющихъ ума, научившагося Божественному Писанію, и даже вовсе ничего не знающихъ изъ Писанія, и съ великимъ стыдомъ молчу, видя какъ они бѣснуются и пустословятъ, ни разумѣютъ ни яже глоголятъ, ни о нихъ же утверждаютъ (1 Тим.

1, 7), невѣжественно дерзаютъ преподавать одно только свое ученіе и проклинать то, чего не знаютъ, такъ что и чуждые нашей вѣры смѣются надъ нами,— людей, не заботящихся о доброй жизни, не научившихся дѣлать добрыя дѣла. Увы, какія бѣдствія! Увы мнѣ! Сколько праведниковъ и пророковъ вожделѣша видѣти, яже видимъ, и не видѣша, и слышати, яже слышимъ, и не слышаша (Матѳ. XIII, 17); а мы обращаемъ это въ шутку" (Твор. Златоуста, т. I, стр. 752).

Миссіонеръ Зубаревъ зло вышучиваетъ и высмѣиваетъ допущенное въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ" выраженіе „отъ сердца отрыгнулъ", называя его „нечестивой и богохульной отрыжкой". Онъ, можетъ быть, совсѣмъ не знаетъ, что и древніе учители церковные также выражались о рожденіи Сына Божія отъ Отца. Св. Василій Великій въ бесѣдѣ на псаломъ 54, именно на слова: „отрыгну сердце Мое Слово благо, говоритъ: „Иные полагали, что сіе говорится отъ лица Отца о Словѣ, Которое было вначалѣ у Отца, и Которое, говорятъ они, Отецъ извелъ, какъ бы изъ сердца, изъ самой утробы; и отъ благого сердца произошло Слово благо" (Твор. его, ч. I, стр. 320, по изд. 1853 г.). Кощунственное издѣвательство о. Зубарева надъ выраженіемъ бѣлокриницкаго „Устава" въ одинаковой степени относится и къ этимъ „инымъ", о которыхъ говоритъ св. Василій Великій. Въ числѣ ихъ состоитъ и первѣйшій обличитель ереси Арія—св. Александръ, епископъ александрійскій. Въ своемъ „Окружномъ посланіи", соборне одобренномъ, онъ говоритъ слѣдующее въ обличеніе нечестія Арія: „Кто, читая въ Евангеліи: единородный Сынъ и вся Тѣмъ быша (Іоан. 1, 3, 18), не возненавидитъ утверждающихъ будто Сынъ есть одно изъ твореній? Въ самомъ дѣлѣ, какъ Онъ можетъ быть однимъ изъ тѣхъ, которые черезъ Него полу-

чили бытіе? Или какъ будетъ Онъ единородный, когда, сообразно съ ихъ мнѣніемъ, включимъ Его въ рядъ всѣхъ прочихъ существъ? Какъ выйдетъ, что Онъ произошелъ изъ несущаго, когда Отецъ говоритъ: отрыгну сердце Мое Слово благо (псал. 44, 1), и: изъ чрева прежде денницы родилъ Тя (псал. 109, 3)" (Дѣянія всел. соборовъ, т. 1, стр. 17). Буквально это же самое говорится и въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ".

Итакъ, самую нечестивѣйшую ересь современный „богословъ" нашелъ въ томъ самомъ выраженіи, которое мы находимъ у свв. отцовъ за 15 вѣковъ до составленія бѣлокрицкаго „Устава". Такимъ „богословамъ" какъ о. Зубаревъ, св. Григорій Богословъ даетъ прекрасный совѣтъ, не потерявшій значенія и для нашего времени: „Познай самого себя и собственную немощь. Чтожъ, если, имѣя въ глазахъ загноеніе или другую какую болѣзнь, не ясно видишь солнце? Чтожъ, если тебѣ кажется все кружащимся, потому что у тебя тошнота или, можетъ быть, ты пьянъ, между тѣмъ свое незнаніе приписываешь ты другимъ? Гораздо надобно подумать и многое переиспытать прежде, нежели осудишь другого въ злочестіи" (Твор. его, час. III, сл. 32, стр. 131). Ничѣмъ инымъ, какъ только опьяненіемъ и невѣжествомъ костромского миссіонера можно объяснить его обвиненіе бѣлокриницкаго „Устава" въ „злочестіи". Онъ до того не освѣдомленъ въ богословскихъ вопросахъ, что даже не знаетъ, въ чемъ заключается ересь Арія. Арій училъ, что „было время, когда Сына Божія не было, Сынъ Божій сотворенъ изъ несущаго, а никакъ не рожденъ изъ Сущности Отца, притомъ рожденъ во времени, а не отъ вѣчности, не какъ истинный Богъ отъ Бога истиннаго, но сотворенъ, какъ орудіе для созданія прочихъ

тварей; Онъ и по естеству ниже Отца и по волѣ измѣняемъ; называется же Сыномъ Божіимъ не по естеству, а по усыновленію, какъ послушный волѣ Отца“ (Дѣянія всел. соборовъ, т. I, стр. 7, изд. 2). Что же въ этомъ ученіи общаго съ богословіемъ бѣлокриницкаго „Устава“? Рѣшительно ничего нѣтъ общаго. Напротивъ, еретичество Арія ниспровергается яснымъ и точнымъ богословствованіемъ „Устава“ о Св. Троицѣ. Вотъ что говорится здѣсь, именно въ изложеніи ученія о Св. Троицѣ: „Мы, душевно чувствуя толикое неизреченное Божіе къ намъ благодѣтельство, благодарственны пребудемъ, содержа ниже слѣдующіе Божественные догматы христіанскаго благочестія, отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданные и соборно утвержденные, въ неизмѣнномъ исповѣданіи и блюстительномъ исполненіи, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ“. Вслѣдъ за этими вступительными словами излагается „догматъ вѣры христіанскаго исповѣданія, старо-греческаго закона“, который „блюстительно содержимъ, по сущему изложенію въ слѣдующемъ: Во единаго Бога вѣруемъ по символу вѣры сице: „Вѣрую во Единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единаго Господа Ісуса Христа, Сына Божія, Единороднаго иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ“, и прочее. Купно исповѣдуемъ и равно вѣруемъ во Святую Троицу, нераздѣльную и несказанную, равносильную и равнобожную, и неописанную, равносовѣтную и равноразумную, равносущную и собезначальную, единоначальную и трисоставную, еже есть: во Отца Бога нерожденнаго, въ Сына Бога отъ Отца рожденнаго и въ Духа Святаго, иже отъ Отца исходящаго. Не бо единъ отъ единаго раздѣлишася когда: бяше бо отецъ присно съ Сыномъ и Сынъ бяше присно

съ Отцемъ и Духомъ вкупѣ. Сице покланяемся и славимъ Святую Троицу во Единицѣ и Единицу въ Троицѣ, нераздѣльное въ тріехъ составѣхъ едино Божество“ („Уставъ“ бѣлокриницкій, гл. IV, стр. 41, въ приложеніи къ „Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи“ Н. Субботина). Нужно дѣйствительно имѣть, какъ выразился Григорій Богословъ, „въ глазахъ загноеніе или другую какую болѣзнь“, чтобы въ совершенно православномъ ученіи „Устава“ о Сынѣ Божіемъ видѣть „старовѣріе проклятаго еретика Арія“.

О. Зубаревъ подчеркиваетъ во взятой имъ цитатѣ изъ „Устава“ и затѣмъ перетолкованной до неузнаваемости слова: „точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи“. Именно слово „бѣ“ онъ связываетъ съ понятіемъ о времени. Ниже мы укажемъ (см. гл. V), какими терминами пользуются въ господствующей церкви академическіе богословы и составители богослужебныхъ книгъ, чтобы выразить понятіе о Богѣ и Его свойствахъ. Въ этихъ терминахъ дѣйствительно легко отыскать погрѣшности разныхъ еретиковъ. Сейчасъ же замѣтимъ относительно подчеркнутаго выраженія, что оно принадлежитъ не автору бѣлокриницкаго „Устава“, а св. Андрею Цареградскому. Миссіонеру Зубареву, если бы у него была хоть одна капля прямодушія и искренности, такъ и слѣдовало бы сказать, хотя бы даже и миссіонерскимъ языкомъ: „Бѣлокриницкая вѣра въ старообрядчествѣ новая; сама же по себѣ она—старая, именно старовѣріе блаженнаго Андрея Цареградскаго“. Такое опредѣленіе въ нѣкоторой степени отвѣчало бы дѣйствительности. Не зачѣмъ было бы тогда и тревожить несчастнаго Арія. Если въ чемъ и можно обвинять ин. Павла, то только въ позаимствованіи у св. Андрея этого выраженія, приписаннаго о. Зубаревымъ, по своему незнанію, „проклятому еретику Арію“. Но можно ли въ этомъ выраженіи отыскать что-либо еретическое? Свв. отцы

нерѣдко высказывались, что человѣческимъ языкомъ нѣтъ возможности передать въ совершенствѣ и точности понятія о Св. Троицѣ. „Если есть люди,—говоритъ св. Александръ,—которые ожидаютъ слышать нѣчто большее, чѣмъ сколько можетъ выразить человѣческое слово, и считаютъ недостаточнымъ познаваемое только отчасти, то ожиданіямъ такихъ людей, разумѣется, далеко не удовлетворятъ слова: былъ всегда и прежде вѣкъ. Но какія бы слова ни были изобрѣтены, никогда во всей точности они не выразятъ понятія нерожденности". „Слова же „былъ всегда и прежде вѣкъ" утотребляются о Немъ только съ благоговѣніемъ и страхомъ,—отнюдь не отвергая Его Божества" (Дѣянія всел. соб. т. I, стр. 27). Точно въ такомъ же смыслѣ употреблено слово „бѣ" и у св. Андрея Цареградскаго. Задолго до этого св. мужа мы находимъ подобное выраженіе у св. Ипполита, папы римскаго: „Въ качествѣ начальника, совѣтника и исполнителя всего сотвореннаго Онъ, т.-е. Отецъ, породилъ Слово. Это-то Слово,—такъ какъ Онъ сдержалъ Его въ Себѣ и Оно было невидимымъ для созидаемаго міра,—Онъ дѣлаетъ видимымъ въ самый моментъ произнесенія перваго звука. Рождая Свѣтъ отъ Свѣта, Онъ произвелъ для твари Господа; Свой Разумъ, прежде видимый только для Него одного и невидимый для міра, Онъ содѣлываетъ видимымъ, чтобы міръ, видя Его явившимся, могъ получить спасеніе" (Твор. св. Ипполита, вып. II, стр. 108—109). Что же? И это — „ересь проклятаго Арія"? Тогда заодно съ бѣлокриницкимъ „Уставомъ" осуждайте и св. Ипполита. Подобныя выраженія можно найти и у другихъ свв. отцовъ (напр., у Ефрема Сирина о „молчаніи"). Неужели и ихъ должно записать въ ряды еретиковъ? Св. Григорій Богословъ совѣтовалъ православнымъ христіанамъ быть очень осторожными въ любомудр-

ствованіи и даже въ выраженіяхъ, потому что злонамѣренные враги наши „тщательно наблюдаютъ за нами“. „Поелику въ собственныхъ своихъ ученіяхъ не находятъ они для себя подкрѣпленія, то ищутъ его въ томъ, что слабо у насъ. А потому, какъ мухи на раны, нападаютъ на наши (какъ назвать это?) неудачи или погрѣшности“ (ч. III, сл. 27, стр. 7). Обвинители бѣлокриницкаго „Устава“ намѣренно обходятъ совершенно ясное изложеніе въ немъ догмата о Св. Троицѣ и останавливаются на взятомъ отдѣльно изъ цѣльнаго изложенія выраженіи, при чемъ принадлежащемъ, какъ мы уже замѣтили, не автору „Устава“, а древнему святому мужу. Въ этомъ пріемѣ они обнаруживаютъ способности тѣхъ враговъ православія, которыхъ св. Григорій уподобилъ мухамъ. Въ выраженіи св. Андрея Цареградскаго, можетъ быть не совсѣмъ „удачномъ“, заключается совершенно православная мысль, что Сынъ Божій по рожденію имѣетъ начало отъ Бога Отца, по времени же Онъ безначаленъ. Но вотъ съ этимъ-то православнымъ ученіемъ и не хотятъ примириться обличители бѣлокриницкаго „Устава“. Еще П. И. Мельниковъ (Печерскій) находилъ ересь въ томъ, что по бѣлокриницкому „Уставу“ выходитъ, что „второе и третье лица Св. Троицы не безначальны“ (въ кн. „П. И. Мельниковъ“, изд. Вольфъ, стр. 251). Мельникову такое непониманіе можно еще извинить, онъ не богословъ-спеціалистъ, поэтому не могъ разобраться въ догматическихъ тонкостяхъ. Но какъ же миссіонеръ, смѣло выдающій себя за богослова, развязно разсуждающій о величайшихъ таинствахъ христіанскаго вѣроученія, не знаетъ, что два лица Св. Троицы, Сынъ и Духъ Святый, имѣютъ виновное начало въ Отцѣ. „Учи насъ,—обращается св. Григорій Богословъ къ Ирону философу, пострадавшему отъ аріанъ за православіе,—не дѣлать Отца подначальнымъ (дабы не ввести чего-то такого, что

первоначальнѣй первоначальнаго и чѣмъ извратится бытіе первоначальнаго), а Сына или Духа Святаго не дѣлать безначальнымъ (дабы у Отца не отъятъ ему свойственнаго). Ибо они не безначальны и вмѣстѣ въ нѣкоторомъ отношеніи (что составляетъ- трудность) безначальны. Они не безначальны въ отношеніи къ Виновнику; потому-то, какъ свѣтъ изъ солнца, такъ Они отъ Бога, хотя и не послѣ Него. Но Они и безначальны въ отношеніи ко времени, потому что не состоятъ подъ временемъ, а иначе текучее было бы старше постояннаго и несамостоятельное—самостоятельнаго" (Творенія его, час. II, сл. 25, стр. 233). То же самое говоритъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ: „Отецъ есть одинъ безначаленъ, т.-е. безвиненъ, потому что ни отъ кого не получилъ бытія, Сынъ есть одинъ Сынъ, и не безначаленъ, т.-е. не безвиновенъ" (кн. его I, гл. 8, стр. 30). Такое же ученіе выражено и въ нашихъ старопечатныхъ книгахъ: „Большомъ Катехизисѣ" (лист. 271, 272 и об. 331 и друг.), книгѣ „Кирилловой" (лист. 122, 128, 392, 397 об., 400, 419 об., 429), кн. „О вѣрѣ" (лис. 41 об.). Современные „богословы", какъ видно, незнакомы даже съ старопечатными книгами, безъ которыхъ они ни одну бесѣду не ведутъ съ старообрядцами. Не знаютъ они и своихъ „богословскихъ" книгъ, иначе не обвиняли бы бѣлокриницкій „Уставъ" въ томъ, что такъ ясно и опредѣленно выражено въ этихъ книгахъ. Напримѣръ, въ „Опытѣ догматическаго богословія" епископа Сильвестра, доктора богословія, говорится: „Не иную, конечно, мысль имѣли въ виду и другіе учители, какъ, напр., Иларій, Григорій Нисскій и Епифаній, когда со всею ясностью и твердостью учили, что въ Божествѣ одно источное или виновное начало — Отецъ, и что Сынъ и Духъ имѣютъ свое бытіе, или существуютъ не Сами по Себѣ, но по вну-

тренней и непосредственной зависимости отъ сего Начала“ („Опытъ“, т. II, гл. 2, § 119, стр. 433). Излагая ученіе о Святой Троицѣ Григорія Назіанзина, епископъ Сильвестръ говоритъ: „Къ чему же Григорій направляетъ свою рѣчь, съ такою силою указывая на то, что не менѣе было-бъ неблагочестиво Сына и Духа признавать безначальными въ смыслѣ безвинности Ихъ бытія, какъ если бы мы Отца стали считать подначальнымъ, т.-е. отъ кого-либо другого имѣющимъ свое бытіе. Какъ видно изъ его послѣднихъ нами приведенныхъ словъ, онъ этимъ хотѣлъ сказать не что иное, какъ то, что если бы, вмѣсто того, чтобы за однимъ Отцомъ предоставить виновность или безначальность, уравнили съ Нимъ въ этомъ отношеніи Сына и Духа, то въ этомъ случаѣ необходимо должны были бы допустить въ Божествѣ существованіе трехъ самостоятельныхъ началъ, а это равнялось бы отреченію отъ христіанскаго единобожія и явному склоненію въ пользу языческаго трехбожія или многобожія“ (стр 434). Вотъ въ это послѣднее нечестіе и впадаютъ миссіонеры господствующей церкви, отыскивая въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ“ мнимыя ереси.

III.

Защита бѣлокриницкаго Устава.

На защиту богословія бѣлокриницкаго „Устава“ выступилъ, нынѣ покойный, епископъ Арсеній (Швецовъ). Въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій онъ согласовалъ выраженіе св. Андрея Цареградскаго съ богословскимъ ученіемъ многочисленныхъ отцовъ Церкви и доказалъ, что въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ“ нѣтъ и

тѣни чего-либо еретическаго. Противники старообрядчества, разумѣется, не замедлили и епископа Арсенія (въ то время еще только священноинока) причислить къ еретикамъ. Они съ такимъ усердіемъ провозглашали его еретикомъ, такъ много и настойчиво говорили въ печати и на публичныхъ собесѣдованіяхъ о его „еретичествѣ“, что даже среди чадъ св. Церкви вызвали нѣкоторое смущеніе и полемику. Епископъ Арсеній вынужденъ былъ писать и въ защиту собственныхъ сочиненій. Какъ и бѣлокриницкій „Уставъ“, его обвиняли все въ той же аріанской ереси. Утверждали, что онъ будто бы признаетъ рожденіе Сына Божія не предвѣчнымъ, допускаетъ какое-то время до рожденія Слова. Всѣ объясненія епископа Арсенія по этому вопросу заподозривались въ неискренности. Какъ о Павлѣ Бѣлокриницкомъ говорили, что онъ намѣренно вставилъ аріанскую ересь въ бѣлокриницкій „Уставъ“, такъ и объ еп. Арсеніи заявляли, что онъ сознательно защищаетъ ересь Арія, а его опроверженіямъ этой же ереси не вѣрили. „Мало ли,—говорили,—что Швецовъ пишетъ въ своихъ сочиненіяхъ, а въ душѣ-то у него другое: на бумагѣ онъ осуждаетъ Арія, а въ душѣ содержитъ его ересь“. Что же можно сдѣлать съ такимъ обвиненіемъ? Душу вѣдь не выворотишь, чтобы показать ее обвинителямъ. Еп. Арсенію не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ анаѳемствовать навязываемыя ему ереси. Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ изданной имъ книгѣ: „Разсужденіе о богословіи бѣлокриницкаго „Устава“ (гектографированное изданіе) онъ изложилъ рядъ осужденій еретическимъ догматамъ и ихъ держателямъ. „Я,—провозглашаетъ еп. Арсеній,—не допускаю такого времени, когда не былъ рожденъ Сынъ Божій. А кто и въ предвѣчности допускаетъ какое-либо время, когда Сынъ Божій не былъ рожденнымъ, тотъ да будетъ проклятъ“ (лис. 31 об.). Ясно изъ этого анаѳе-

матствованія, какихъ богословскихъ мыслей относительно рожденія Сына Божія держался еп. Арсеній. Прежде рожденія Слова онъ не допускалъ никакого времени. Но, можетъ быть, мало этого утвержденія, подкрѣпленнаго анаѳематствованіемъ, вотъ вамъ еще рядъ ясныхъ и опредѣленныхъ богословскихъ формулъ еп. Арсенія: „Я допускаю только неизмѣнное свойство Божіей вѣчности и отрицаю всякое время, могущее предварить единосущіе Святыя Троицы; а кто будетъ утверждать, что и прежде Божественнаго вѣка, сотвореннаго отъ Сына, было какое-то время, тотъ да будетъ проклятъ“ (тамъ же, лис. 31 об.—32). „Кто будетъ утверждать, что было время, когда не былъ рожденъ Сынъ Божій, тотъ да будетъ проклятъ“ (лис. 33 об.). „Я не только что о подвременности Сына не утверждаю, но паче еще въ конецъ сіе отрицаю. Но кто напротивъ сего будетъ отрицать вѣчность Сына Божія и сводить ее подъ какое-то время, тотъ да будетъ проклятъ“ (лис. 33 об.). „Если кто учитъ, что Сынъ Божій родился не прежде всѣхъ вѣкъ, или что могло предварять единосущіе Святыя Троицы какое-либо время, Богомъ несотворенное, тотъ да будетъ проклятъ“ (лис. 34). Можно ли послѣ столь рѣшительныхъ и неоднократно повторенныхъ проклятій на еретичества Арія и другихъ еретиковъ снова обвинять епископа Арсенія въ ереси, и именно въ той самой, которую онъ предаетъ анаѳемѣ. Для честныхъ людей— это невозможное дѣло. Для тѣхъ же, у которыхъ, по словамъ св. Григорія Богослова, — „все кажется кружащимся“, ничего не стоитъ и Самого Христа обвинить въ кое-какихъ ересяхъ и, пожалуй, въ самомъ отрицаніи христіанства. Въ послѣднемъ богословскомъ произведеніи о. Зубарева читаемъ: „Передовые же вожди и распространители австрійскаго еретическаго лжесвященства съ рѣдкимъ чисто Аріевымъ упорствомъ защищаютъ

его ересь. Такимъ былъ лжеепископомъ Арсеній (Онисимъ) Швецовъ, нераскаянно умершій въ Аріевой ереси. Таковы и всѣ его ученики — „начетчики“ (стр. 11). „Еретикъ Швецовъ упорно объявилъ войну вселенскому символу вѣры и выступилъ въ защиту аріанства, при чемъ Швецовъ имѣлъ и доселѣ имѣетъ себѣ послѣдователей“ (14). Такихъ обвинителей, каковы миссіонеры господствующей церкви, ничѣмъ не убѣдишь. О подобныхъ людяхъ еще Христосъ сказалъ: „Отолстѣ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да никогда узрятъ очима и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся и исцѣлю ихъ“ (Мѳ., гл. XIII, ст. 15). Владыка Арсеній горько жаловался, что „трудно оправдываться предъ обвинителемъ пристрастнымъ, а если онъ еще разномысленъ въ религіозномъ отношеніи, то почти и совсѣмъ невозможно, какъ это самый опытъ доказалъ мнѣ“ („Разсужденіе о богословіи“, лис. 37 об.). Нѣкогда блаженный Іеронимъ также сѣтовалъ, что враги его не вѣрятъ объявляемому имъ исповѣданію. „Они,—писалъ бл. Іеронимъ о нихъ Марку пресвитеру,—не даютъ мнѣ ни одного уголка въ пустынѣ: каждый день спрашиваютъ меня о вѣрѣ, какъ будто безъ вѣры окрещенъ. Объявляю свое исповѣданіе по ихъ требованію,—имъ не нравится; подписываюсь,—не вѣрятъ. Одного только хотятъ, чтобы я удалился отсюда. Я уже уступаю имъ. Они похитили у меня часть души моей, любезнѣйшихъ братьевъ, которые хотятъ удалиться и даже совершенно удаляются, говоря, что лучше жить среди звѣрей, чѣмъ съ такими христіанами“ (Творенія его, час. I, пис. 17, стр. 49). Епископъ Арсеній почилъ о Господѣ, но голосъ его не замеръ. Православное его исповѣданіе поражаетъ несправедливыхъ и клеветническихъ обвинителей его. „Если кто будетъ

утверждать,—возвѣщаетъ это исповѣданіе,—что было каковое-либо время, когда Богъ былъ безъ всякаго дѣйствія, молчащимъ, то сицевое мудрованіе, какъ неправославное, я отвергаю и проклинаю“ („Разсужденіе о богословіи“, лис. 37). „Говорящихъ же, — заключаетъ еп. Арсеній свое исповѣданіе опредѣленіемъ перваго вселенскаго собора, — что было время, когда не было Сына, что онъ не существовалъ до рожденія и произошелъ изъ несущаго, или утверждающихъ, что Сынъ Божій имѣетъ бытіе отъ иного существа или сущности, или что онъ созданъ или измѣняемъ, или приложимъ, таковыхъ предаетъ анаѳемѣ каѳолическая и апостольская Церковь“ (тамъ же, лис. 64 об.). Чѣмъ же послѣ сего должно признать утвержденіе современнаго „богослова“ Зубарева, что Швецовъ упорно объявилъ войну вселенскому символу вѣры и выступилъ въ защиту аріанства? Ничѣмъ инымъ, какъ самой низкой клеветой.

Клевета—это спеціальность миссіонеровъ господствующей церкви. Въ 1909 году освященный соборъ нашей св Церкви вынесъ опредѣленіе по дѣлу епископовъ Иннокентія нижегородскаго и Михаила канадскаго. Онъ разрѣшилъ имъ священнослуженіе. И это одно дало поводъ миссіонерской газетѣ „Колоколъ“ вынести цѣлому собору нашихъ архипастырей такой приговоръ: „Рѣшеніемъ московскаго собора, старообрядчество въ лицѣ австрійской іерархіи отреклось отъ христіанской Церкви во всемъ ея прошломъ и даже отъ основного ученія о Христѣ-Спасителѣ, Искупителѣ рода человѣческаго, признавъ своимъ собратомъ и руководителемъ Михаила Семенова. Актомъ признанія Михаила соборъ старообрядческихъ учителей заявилъ свою солидарность съ ужаснымъ богохульнымъ ученіемъ, изображающимъ

Господа нашего Іисуса Христа революціонеромъ, подобнымъ тѣмъ злодѣямъ, которыхъ за совершенное ими преступленіе отправляютъ на висѣлицу. Удивительно, какъ соборъ старообрядцевъ могъ дойти до такого ужаснаго паденія. Несомнѣнно, что 26 августа совершилось роковое событіе въ старообрядчествѣ, подсѣкшее авторитетъ австрійскаго согласія въ корнѣ въ глазахъ всего остального старообрядчества и несомнѣнно, что оно грозитъ полнымъ разложеніемъ старообрядческому міру“ („Колоколъ“, 1909 года, № 1042). Вотъ какой ужасный судъ произнесли миссіонеры надъ всей нашей св. Церковью. Они до того обезумѣли, что едва ли сознаютъ, какую беззастѣнчивую клевету возводятъ на насъ.

Въ томъ же году совершилось и другое событіе,— ушелъ въ римско-католическую церковь бывшій старообрядческій священникъ Сусалевъ, запрещенный епископомъ Иннокентіемъ отъ всякаго священнодѣйствія за порочныя дѣла и перешедшій сначала въ господствующую въ Россіи церковь. Ничего особеннаго въ этомъ фактѣ нѣтъ. Никакого отношенія онъ не имѣетъ къ старообрядческой Церкви. Старообрядчество во всей своей совокупности и не знаетъ даже о существованіи на свѣтѣ какого-то тамъ Сусалева. Но вотъ послушайте, къ какому выводу пришли миссіонеры вслѣдствіе присоединенія Сусалева къ римско-католикамъ. „Но что сталось теперь съ русскимъ старообрядчествомъ“?—спрашиваетъ миссіонерскій „Колоколъ“,— и развязно отвѣчаетъ: „Оно въ лицѣ своей отрасли такъ называемыхъ австрійцевъ, т.-е. тѣхъ, кто принимаетъ Бѣлокриницкое священство, отреклось не только отъ своего обрядовѣрія, называемаго старообрядчествомъ, но и отъ догматовъ вѣры, содержимыхъ греко-россійской церковью какъ во времена настоящія, такъ и въ дониконовскія. Принявъ изъ рукъ папы свои

саны, австрійцы, конечно, тѣмъ признали его главенство и всѣ догматы католической церкви и, такимъ образомъ, по ученію содержимыхъ старообрядцами книгъ, „Кирилловой“ и „О вѣрѣ“, поклонились антихристу, ибо по словамъ этихъ содержимыхъ старообрядцами книгъ, папа римскій есть „послѣдній и даже наибольшій предотеча антихристовъ“. Итакъ,—заключаютъ почтенные гг. миссіонеры,—старообрядчество исчезло, а на мѣсто его явились юниты“ („Колоколъ“, № 870). Совсѣмъ не стало старообрядчества. Зачѣмъ, спрашивается, послѣ этого миссіонеры пишутъ противъ несуществующихъ старообрядцевъ сочиненія. Сравнительно съ „солидными“ обвиненіями „Колокола“ брошюра о. Зубарева кажется совсѣмъ дѣтскимъ лепетомъ,—простымъ „копеечнымъ пряникомъ“, съ которымъ онъ путешествуетъ на бесѣды со старообрядцами (см. „Слово Правды“, 1907 г., № 58). Благодареніе Богу, старообрядчество не только не исчезло,—напротивъ, съ чудодѣйственной быстротой развивается и укрѣпляется. Ослѣпленные ненавистью къ старообрядчеству миссіонеры говорятъ о немъ „всякъ золъ глаголъ“,—все, что подсказываетъ имъ ихъ безуміе.

По поводу усиленныхъ нападокъ на еп. Арсенія и вызванныхъ ими въ старообрядческой средѣ смущеній освященный соборъ нашихъ архипастырей, собравшійся въ іюнѣ 1902 г., вынесъ слѣдующее опредѣленіе: „Освященный соборъ заявляетъ, что наша старообрядческая Христова Церковь всегда содержала и нынѣ содержитъ неизмѣнно символъ православной вѣры и пріемлетъ все священное Писаніе, опредѣленія святыхъ соборовъ и ученіе свв. отецъ, которыя только и признаетъ обязательными для руководства и рѣшенія всякихъ недоразумѣній и пререканій, не пріемля никакихъ нововведеній и мнѣній, несогласныхъ съ священнымъ

Писаніемъ и ученіемъ святыхъ соборовъ и святыхъ отецъ" (напечатано въ книгѣ Ѳ. Круглова: „Разсмотрѣніе", ч. I, стар. 501). Это—голосъ всей старообрядческой Церкви. Что можно возразить противъ него? О. Зубаревъ называетъ его „послѣдними судорогами Каина, рѣшившаго умереть въ грѣхѣ своемъ" (брош. „Бѣлокриничное старовѣріе", стр. 14). Другого опредѣленія костромской „богословъ" не могъ подобрать. Каинъ былъ, какъ извѣстно, наказанъ „трясеніемъ". Вслѣдствіе чрезвычайныхъ попоекъ и о. Зубаревъ несетъ это же наказаніе. Вотъ поэтому ему и чудится вездѣ: то корчма, то пиво, то Каинъ съ его судорогами. И это въ его болѣзненномъ состояніи совершенно понятно. Онъ всюду видитъ только свой образъ. Даже въ лицѣ освященнаго собора, вынесшаго вполнѣ благочестивое опредѣленіе, онъ узрѣлъ никого другого, какъ трясущагося Каина. Какъ же, однако, жестоко наказанъ Богомъ бѣдный и несчастный авторъ брошюры: „Бѣлокриничное старовѣріе". Прискорбно видѣть, что и остальные миссіонеры, почти всѣ, мучаются этой же каиновой болѣзнью. Имъ потому и кажется: то старообрядцы отреклись отъ Св. Троицы, то приняли ересь Арія, то совсѣмъ ихъ не стало, стерлись они съ лица земли. Миссіонеры господствующей церкви — это какой-то особый родъ искалѣченныхъ людей. Все, что ни дѣлалось бы въ старообрядчествѣ, имъ представляется не въ томъ видѣ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, а въ другомъ, создаваемомъ ихъ больнымъ воображеніемъ.

Св. Церковь ни за кѣмъ изъ людей не признаетъ дара непогрѣшимости. Могутъ погрѣшать и заблуждаться и старообрядческіе пастыри и писатели, но ихъ погрѣшность нельзя ставить въ вину всей старообрядческой Церкви. „О чемъ мыслилъ кто,—говоритъ преподобный Викентій Лиринскій,— святой ли или ученый, исповѣдникъ ли или мученикъ, несогласно

со всѣми или даже вопреки всѣмъ, то должно относить къ мнѣніямъ личнымъ, сокровеннымъ, частнымъ, отличнымъ отъ авторитета общаго, открытаго и всенароднаго вѣрованія“ („Напоминаніе“, Викентія Лиринскаго, стр. 51). Церковь старообрядческая есть соборная Церковь. Свой голосъ она выражаетъ на ежегодно созываемыхъ соборахъ. Частныя же мнѣнія отдѣльныхъ лишъ не имѣютъ значенія ни соборнаго, ни церковнаго. За нихъ отвѣчаютъ одни лишь авторы ихъ.

IV.

Святоотеческое богословіе.

Богословская мысль о рожденіи Сына Божія отъ Отца, выраженная словами св. Андрея Цареградскаго, находится у очень многихъ учителей церковныхъ.

„Вникни,—призываетъ св. Меѳодій Патарскій,—во изреченіе евангелиста: „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово былъ Богъ“ (Іоаннъ 1, 1—2), не имѣетъ ли и оно такого же значенія? Ибо началомъ, отъ котораго произрасло точнѣйшее Слово, надобно назвать Отца и Творца всего, въ которомъ оно было; а выраженіе: оно было въ началѣ у Бога, кажется, означаетъ властительское достоинство Слова, которое оно имѣло у Отца еще прежде дарованія бытія міру, называя власть его началомъ. Такимъ образомъ послѣ собственно безначальнаго начала Отца, оно становится началомъ всего прочаго, которымъ все созидается“ (кн. Меѳодія, стр. 250). Въ этомъ изреченіи есть слова: и „было“, и „послѣ“, и кромѣ того сказано: Слово „становится началомъ всего“. По нашему мнѣнію, здѣсь скорѣе, чѣмъ у Андрея Цареградскаго, обвинители бѣлокри-

ницкаго „Устава“ могли бы найти нечестіе и ереси. Въ дѣйствительности же св. Меѳодій выражаетъ совершенно православное богословское ученіе, что Богъ Отецъ есть виновное начало Слову. Ученіе это подтверждается приведеннымъ здѣсь изреченіемъ св. евангелиста Іоанна Богослова. Слова же: „было“ и „послѣ“ употреблены, какъ и у св. Андрея Цареградскаго, лишь потому, что,—говоря словами св. Александра Александрійскаго,—человѣческимъ языкомъ нѣтъ возможности выразиться болѣе точно и соотвѣтственно понятію о Св. Тройцѣ.

Св. Кириллъ Александрійскій, — толкуя слова евангелиста: „и Богъ бѣ Слово“ (Іоанн. 1, 1), говоритъ, что „Слово, бывшее въ началѣ, было и Богомъ, — не стало Богомъ впослѣдствіи. Но опять было,—если, безъ сомнѣнія, къ бытію Божественному (Богомъ), необходимо должно принадлежать и вѣчное бытіе, такъ какъ происшедшее во времени или изъ совершеннаго небытія переведенное къ бытію не могло бы быть Богомъ по природѣ. Если такимъ образомъ Слово Божіе чрезъ это „бѣ“ является имѣющимъ вѣчность, а чрезъ это „бѣ Богъ“ единосущіе Его съ Отцомъ“. (Твор. его, час. 12, кн. 1, гл. 3, стр. 29). Это же „бѣ“ и у св. Андрея Цареградскаго означаетъ то же самое. Тотъ же св. Кириллъ говоритъ: „Словомъ и премудростію (Сынъ Божій) называется и потому, что Онъ изъ ума и въ умѣ непосредственно и нераздѣльно... и когда дѣйствуетъ Сынъ, то дѣйствуетъ и Отецъ, какъ источникъ созидающаго Слова, присущій природно собственному порожденію, подобно тому, какъ огонь присутствуетъ въ исходящей отъ него теплотѣ“ (тамъ же, гл. 5, стр. 69).

Св. Григорій Богословъ разсуждаетъ: „Мы чтимъ единоначаліе (Божества), впрочемъ, не то единоначаліе, которое опредѣляется един-

ствомъ лица; но то, которое составляетъ равночестность единства, единосущіе воли, тождество движенія и направленія къ единому тѣхъ, которые изъ Единаго (что невозможно въ естествѣ сотворенномъ), такъ что они, хотя различаются по числу, но не раздѣляются по власти. Посему единица, отъ начала подвигшаяся въ двойственность, остановилась на троичности, и сіе у насъ — Отецъ и Сынъ и Святой Духъ. Отецъ — родитель и изводитель, рождающій и изводящій безстрастно, внѣ времени и безтѣлесно. Сынъ рожденное; Духъ изведенное... ибо не дерзаемъ наименовать сего преизліяніемъ благости, какъ осмѣлился назвать одинъ изъ любомудрыхъ еллиновъ, который, любомудрствуя о первомъ и второмъ виновникѣ, ясно выразился: „какъ чаша льется черезъ края“, не дерзаемъ изъ опасенія, чтобы не ввести непроизвольнаго рожденія какъ бы естественнаго и неудержимаго исторженія, что всего менѣе сообразно съ понятіями о Божествѣ“ (о богословіи сл. 3, въ Твор. его, ч. 3, стр. 54).

Что, если бы въ богословіи бѣлокриницкаго „Устава“ было бы выражено, что „Единица, отъ начала подвигшаяся въ двойственность, остановилась на троичности, и сіе у насъ—Отецъ и Сынъ и Святой Духъ“. Боже мой, сколько нечестивыхъ мыслей враги нашей Церкви отыскали бы въ этомъ выраженіи. Издѣвались бы они надъ словомъ: „отъ начала“, отыскивая въ немъ понятія времени. Выраженія „подвигшаяся“ и „остановилась“ несомнѣнно протолковали бы какъ страшное богохульство. Но вселенскій авторитетъ величайшаго богослова Церкви Христовой заставляетъ ихъ умолкнуть. Не посмѣютъ они зачислить его въ число еретиковъ. Ну, а съ Андреемъ Царерадскимъ они не церемонятся, хотя у этого святого мужа выражено тоже самое, что и у св. Григорія Бо-

гослова. Глумясь надъ его изреченіемъ, они унижаютъ, собственно, богословіе св. Григорія и, говоря прямѣе, всей вселенской Церкви.

Святый Симеонъ, новый богословъ, говоритъ: „Когда умъ раждаетъ слово, то вмѣстѣ съ тѣмъ, явнымъ дѣлается для слышащихъ, — чрезъ живое слово или чрезъ письмена, и желаніе души, какъ общее обоимъ: и уму и слову, — и три сія: умъ, слово и душа не сливаются во едино, но три вмѣстѣ и каяждо особо зрятся въ единой сущности: такъ надлежитъ понимать и въ отношеніи къ Святой Единосущной и нераздѣльной Троицѣ, и исповѣдать, что Отецъ неизреченно и недомыслимо раждаетъ Сына Слово, Которое имѣлъ въ началѣ въ Себѣ, и которое нераздѣльно имѣетъ и по рождени, — что Сынъ раждается отъ Отца, съ Коимъ всегда есть не раздѣльно и соприсносущно и никогда не отдѣляется отъ Него, и что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, и есть соединенъ и срасленъ съ Единосущнымъ Ему Отцемъ и Сыномъ, съ коими и споклоняемъ и спрославляемъ есть отъ всея твари, — и еще — что три сіи лица Пресвятыя Троицы имѣютъ одну волю. Такъ познавается и открывается Святая Троица благодатію Святаго Духа, по благословенію Отца черезъ Сына всѣмъ просвѣщеннымъ свыше (Твор. св. Симеона новаго богослова, вып. 2, гл. 61, стр. 98).

Не то же ли самое выражаетъ и бѣлокриницкій „Уставъ“, что „Отецъ имѣлъ Единосущное въ умѣ Слово—Сына Своего“.

Святый Ѳеоѳилъ Антіохійскій богословствуетъ: „Богъ имѣя свое Слово въ собственныхъ нѣдрахъ, родилъ Его, проявилъ Его вмѣстѣ съ своею премудростью прежде всего. Слово сіе онъ имѣлъ исполнителемъ своихъ твореній и чрезъ Него все сотворилъ. Сынъ есть Слово, всегда сущее въ нѣдрѣ Бога. Но прежде,

нежели что-либо произошло, Богъ имѣлъ Его совѣтникомъ, такъ какъ Онъ есть Его умъ и мысль. Когда же Богъ восхотѣлъ сотворить то, что Онъ опредѣлилъ, Онъ родилъ сіе Слово, внѣ проявленное, перворожденное всей твари, не такъ, однако, чтобы Самъ лишился Слова, но Онъ родилъ Слово и вмѣстѣ съ Словомъ всегда пребываетъ. Посему насъ учатъ священная Писанія и всѣ духоносцы, изъ коихъ Іоаннъ говоритъ: „Въ началѣ бѣ Слово, и Слово было у Бога“, показывая этими словами, что исперва былъ Одинъ только Богъ и въ Немъ Слово“ („Памятн. древн. христіан. письменности“, стр. 306; св. Ѳеоѳила Антіох. „Три книги о вѣрѣ христіан.“, кн. 2, стр. 34 и 50, изд. Москва, 1865 года).

Вникните въ то, что говорилъ св. отецъ: „Исперва былъ Одинъ только Богъ и въ Немъ—Слово“, Которое Отецъ имѣлъ „въ собственныхъ нѣдрахъ“ и „когда восхотѣлъ сотворить то, что Онъ опредѣлилъ, Онъ родилъ сіе Слово“. Буквально это же говоритъ и св. Андрей Цареградскій. Пожалуй, св. Ѳеоѳилъ говоритъ еще опредѣленнѣе. И если обвинители бѣлокриницкаго „Устава“ у св. Андрея нашли ереси и богохульство, то что же они скажутъ о богословіи св. Ѳеоѳила.

Преподобный Ѳаласій говоритъ: „Отецъ созерцается и безначальнымъ и началомъ: безначальнымъ, яко нерожденный, а началомъ, яко родитель Сына и изводитель Духа Святаго, кои вѣчно изъ Него и въ Немъ суть. Единица до Троицы движась, пребываетъ единицею и Троица до Единицы сводясь, пребываетъ Троицею. Сіе и дивно есть! Сынъ и Духъ исповѣдуются не безначальными яко къ началу и источнику относимые къ Отцу, а вѣчными, яко отъ вѣчности

одинъ рожденно, а другой исходно, сущіе со Отцемъ... Едино начало въ Божествѣ, созерцается Отецъ — начало Сына и Духа, яко родитель и источникъ ихъ вѣчный совѣчныхъ, безпредѣльный безпредѣльныхъ; и три сія единосущны суть и нераздѣльны. Тварей всѣхъ Творецъ, Промыслитель и Судія есть тріипостасный Богъ Отецъ, чрезъ Сына во Святомъ Духѣ. Ибо говорится, что изъ Того, и Тѣмъ и въ Немъ всяческая, аминь. (Рим. 11, 36). Таковъ образъ бытія единаго естествомъ и тріипостаснаго въ лицахъ — Бога, — коему слава и держава во вѣки вѣкомъ". („Добротолюбіе", час. 3. Аввы Ѳаласія, сот. 4, стр. 340, изд. Москва, 1888 г). Не ясно-ли, что и этотъ преподобный отецъ, говоря, что „Единица, до Троицы движась, пребываетъ Единицею", выражаетъ ту же богословскую мысль, что выражена и св. Андреемъ Цареградскимъ, только другими словами.

Св. Ефремъ Сиринъ въ своемъ пѣснопѣніи такую хвалу поетъ Господу: „Хвала Тому, Кто снизошелъ къ намъ въ Единородномъ Своемъ. Хвала Молчанію, Которое возглаголало намъ Словомъ Своимъ" (Творенія св. Ефрема Сирина, час. 5, пѣснопѣнія на Рождество Христово, стр. 111, изд. 1900 г.). Здѣсь, какъ и въ изреченіи св. Андрея Цареградскаго, Богъ названъ „Молчаніемъ, возглаголавшимъ Словомъ Своимъ".

Мы могли бы до безконечности продолжать выписки изъ твореній св. отецъ. Но находимъ достаточнымъ и приведенныхъ, чтобы сдѣлать заключеніе, что св. Андрей Цареградскій, въ его изреченіи, приведенномъ въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ", выразилъ ту же богословскую мысль о рожденіи Сына Божія, которая заключается во многихъ твореніяхъ знаменитыхъ и великихъ учителей и богослововъ церковныхъ.

V.

Богословіе пастырей господствующей церкви.

Знакомы ли съ богословскими книгами господствующей церкви современные ея „богословы", въ родѣ противостарообрядческихъ миссіонеровъ о. Зубарева, о. Акципетрова, Ѳ. Круглова и друг., такъ упорно и яростно обличающихъ бѣлокриницкій „Уставъ" въ еретичествѣ? Этотъ вопросъ въ нашей полемикѣ съ миссіонерами имѣетъ большое значеніе. Если они незнакомы съ богословіемъ своей церкви, не знаютъ, что и какъ изложено въ ея богословскихъ книгахъ, то что-жъ это за „богословы". Они въ такомъ случаѣ не имѣютъ нравственнаго права говорить и разсуждать о богословіи бѣлокриницкаго „Устава". Все ихъ „богословствованіе" не имѣетъ тогда никакого значенія. Если же они знакомы съ богословскими книгами своей церкви, знаютъ, что въ нихъ заключается, то тѣмъ болѣе они лишены нравственнаго права обвинять бѣлокриницкій „Уставъ" въ еретичествѣ, такъ какъ отысканныя ими въ „Уставѣ" „ереси" заключаются въ этихъ книгахъ. Обвиняя бѣлокриницкій „Уставъ" въ еретичествѣ, современные „богословы" выносятъ приговоръ собственно своей церкви, ее изобличаютъ въ еретическихъ догматахъ. Помимо мнимыхъ ересей, указанныхъ обвинителями старообрядчества въ „Уставѣ", находятся и дѣйствительныя ереси и погрѣшности въ богословскихъ и символическихъ книгахъ господствующей церкви. Пастыри господствующей церкви воспитываются на богословскихъ книгахъ митрополитовъ: Филарета, Макарія, Иннокентія, еп. Сильвестра и другихъ ея богослововъ. Мы остановимся на богословіи одного Сильвестра. Въ его книгахъ болѣе ярко изложены тѣ ереси, которыми съ такой жадностью питаются обличители бѣлокриницкаго „Устава".

Епископъ Сильвестръ излагаетъ въ своей книгѣ ученіе св. Іустина Философа о рожденіи Сына Божія. „Слово,—говоритъ Іустинъ,—прежде тварей и сосуществовало съ Отцемъ и родилось отъ Него, когда вначалѣ Онъ все создалъ и устроилъ“ („Опытъ догматическаго богословія“, Сильвестра, т. II, гл. 2, § 100, стр. 288).

Что если бы нѣчто подобное было выражено въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ“. Какихъ бы только ересей не отыскали здѣсь пристрастные обвинители старообрядчества. У Іустина ясно и опредѣленно сказано, что Сынъ Божій тогда родился отъ Отца, „когда вначалѣ Отецъ все создалъ и устроилъ“. Какъ же епископъ Сильвестръ объясняетъ это выраженіе Іустина Философа? „Какъ первый,—говоритъ Сильвестръ объ Іустинѣ,—поставленный въ необходимость самому вырабатывать языкъ для научнаго изложенія ученія христіанскаго, онъ нерѣдко въ своихъ разсужденіяхъ о Сынѣ Божіемъ или Словѣ употребляетъ такого рода выраженія, которыя, въ виду установившейся впослѣдствіи богословской терминологіи, могутъ показаться не только не точными, но даже сомнительными въ отношеніи къ православію. Но было бы странно и противно всякой здравомыслящей критикѣ на основаніи этого одного, какъ и поступаютъ нѣкоторые критики, набрасывать тѣнь сомнѣнія на православіе ученія Іустинова о Сынѣ Божіемъ. Хотя въ изложеніи этого ученія встрѣчаются выраженія неточныя и даже такія, которыя впослѣдствіи оказались пригодными для формулированія еретическихъ лжеученій, но каждому, при серьезномъ и безпристрастномъ вниканіи въ существо предмета, не трудно видѣть, что все это не болѣе, какъ только еще несовершенныя и грубыя формы, въ которыя облечена совершенно вѣр-

ная и истинная мысль о Христѣ, какъ истинномъ и ипостасномъ Сынѣ Божіемъ“ (стр. 283).

Значитъ, если бы и у нашихъ обличителей было бы хоть немножко серьезности, безпристрастія и здраваго смысла, они тогда не стали бы утверждать, что въ „глаголахъ блаж. Андрея Цареградскаго“, изложенныхъ въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ“, заключается ересь проклятаго Арія, а признали бы, что и этими глаголами „облечена совершенно вѣрная и истинная мысль“ о рожденіи Слова. Патентованный богословъ господствующей церкви сумѣлъ найти ее даже въ такихъ выраженіяхъ, которыя „впослѣдствіи оказались пригодными для формулированія еретическихъ лжеученій?“. „Подобныя недоразумѣнія,—еще разъ объясняетъ еп. Сильвестръ формулу св. Іустина Философа,—совершенно естественны при нажитой нами привычкѣ къ точной терминологіи въ ученіи объ отношеніи Сына къ Отцу и при недостаткѣ таковой у Іустина, но они легко разрѣшаются при надлежащемъ вниканіи во все его ученіе о Сынѣ Божіемъ“ (стр. 289).

„Сомнительная терминологія“ Іустина не дала основанія еп. Сильвестру заподозрить его въ еретичествѣ. Онъ не ограничился только терминологіей, но вникъ во все ученіе христіанскаго философа и пришелъ къ заключенію, что оно вполнѣ благочестиво и вѣрно. Современнымъ „богословамъ“ миссіонерскаго пошиба очень нелишне поучиться у Сильвестра методамъ изслѣдованія богословскихъ формулъ и трактатовъ.

Въ „догматическомъ богословіи“ епископа Сильвестра излагается ученіе Тертулліана о рожденіи Сына Божія. „Хотя Богъ,—учитъ Тертулліанъ,—и не изрекъ еще (non dum miserat) свое Слово, но изначала имѣлъ Его въ Себѣ Самомъ вмѣстѣ съ разумомъ и въ са-

момъ разумѣ, въ молчаніи измышляя и приводя въ порядокъ то, что намѣревался изречь чрезъ Слово. Ибо помышляя и устрояя въ своемъ разумѣ, Онъ произвелъ то Слово, Которое потомъ произнесъ“ („Опытъ“, т. II, § 107, стр. 337). „Выходитъ,—поясняетъ миссіонеръ Зубаревъ изреченіе св. Андрея Цареградскаго о молчаніи,—что Богъ „бѣ въ молчаніи“; потомъ восхотѣлъ сотворить вѣки, заговорилъ и „родилъ“ Сына; при „первомъ“ же изреченіи, какъ началъ говорить, „отъ сердца отрыгнулъ“ и Духа Святаго. Что можетъ быть нечестивѣе и богохульнѣе этого „изреченія“ и „отрыжки“, а равно и защиты этого нечестія и богохульства?!“ („Бѣлокриничное старовѣріе“, стр. 13).

Послушаемъ, что скажетъ академическій богословъ господствующей церкви объ этомъ же ученіи о „молчаніи Бога Отца“. „Это,—объясняетъ еп. Сильвестръ,—лучшая и свѣтлая сторона въ ученіи Тертулліановомъ о Словѣ, такъ какъ онъ здѣсь много свѣта проливаетъ на ученіе предшествовавшихъ ему апологетовъ λόγος ἐνδιάθετος, раскрывая и пополняя то, что ими только предполагалось, но не доказывалось, и чрезъ это совершенно отстраняетъ умѣстность упрека имъ во томъ, будто бы они λόγος ἐνδιάθετος не считали вѣчнымъ ипостаснымъ Словомъ Божіемъ“ (стран. 340). То, что миссіонеръ Зубаревъ и „иже съ нимъ“ считаютъ „нечестіемъ и богохульствомъ“, епископъ Сильвестръ признаетъ „лучшимъ и свѣтлымъ“ и усердно защищаетъ ученіе Тертулліана.

Тертуліанъ училъ, что „Слово только вышедши изъ Бога (dum ex Deo procedit), и получило свой видъ и полноту (tum etiam ipse sermo speciem et ornatum suum sumit), и въ собственномъ смыслѣ (стало) Сыномъ, такъ какъ Слово, существовавшее прежде подъ именемъ мудрости, разума и другими именами, исходя изъ Бога,

родилось и стало Сыномъ (Filius factus est Dei, de quo prodeundo generatus est), Сыномъ перворожденнымъ, какъ рожденнымъ прежде всего, и единороднымъ, какъ единымъ поистинѣ рожденнымъ отъ Бога изъ лона Его сердца (primogenitus, ut ante omnia genitus, et unigenitus, ut solus ex Deo genitus—propria de vulva cordis ipsius). Развивая далѣе эту мысль, Тертулліанъ даже утверждаетъ, что имя Отца и Сына не есть что-либо существенное въ Богѣ, а случайное, зависящее отъ Его отношеній къ міру по домостроительству, и что было время, когда Богъ не былъ Отцомъ, равно какъ было время, когда не было Сына" (стр. 341).

Не знаемъ, сколько бы богохульныхъ ересей и какихъ бы страшныхъ нечестій отыскали наши обвинители въ этомъ ученіи Тертулліана. Оно до очевидности неправославно. Но епископъ Сильвестръ и въ этомъ пунктѣ ученія Тертулліана не находитъ никакой ереси. „Не трудно видѣть,—говоритъ онъ,—что во всемъ этомъ выражается не та мысль, чтобы Сынъ не существовалъ отъ вѣчности, какъ ипостась, а та, что, существуя отъ вѣчности въ Богѣ, какъ его внутреннее Слово, только по выхожденіи своемъ изъ Бога для творенія, Онъ открылъ Себя, какъ Сынъ, открылъ въ такомъ особенномъ видѣ, въ какомъ доселѣ не существовалъ, пребывая въ лонѣ Божіемъ" (стр. 341). Епископъ Сильвестръ находитъ, что ученіе Тертулліана о св. Троицѣ православно. „Не трудно видѣть,—заявляетъ онъ,—что ученіе Тертулліаново о единосущіи и нераздѣльности Божескихъ Лицъ въ общемъ и существенномъ является вѣрнымъ и согласнымъ съ церковною вѣрою въ Божественность Св. Троицы. Но нельзя не замѣтить, что въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ оно еще не достигаетъ той точности и опредѣленности, какую получило въ никейскій пе-

ріодъ“ (стр. 349—350). Въ ученіи Тертулліана, что „было время, когда Богъ не былъ Отцомъ, равно какъ было время, когда не было Сына“, епископъ-богословъ господствующей церкви видитъ только отсутствіе точности и опредѣленности. „Правда,—поясняетъ Сильвестръ,—въ изложенномъ Тертулліановомъ ученіи о Троицѣ мы встрѣчаемся иногда не только съ неточнымъ и двусмысленнымъ, но даже съ такого рода фразами и выраженіями, которыя легко могли бы быть вложены въ уста сторонника евіонейскаго или дальнѣйшаго аріанскаго воззрѣнія. Но было бы большою ошибкою на основаніи этого, какъ поступаютъ многіе протестантскіе критики, заподозривать Тертулліана въ невѣрности церковному ученію о Троицѣ, за которое онъ такъ стойко велъ борьбу съ монархіанами. Встрѣчающіеся у него по мѣстамъ неточные и неудобные образы, представленія и выраженія легко объясняются его языкомъ, вообще не слишкомъ выработаннымъ и точнымъ, а также недостаткомъ готовой терминологіи, которою бы можно было пользоваться для обозначенія всѣхъ тонкихъ оттѣнковъ въ ученіи о Троицѣ. Въ общемъ же и существенномъ его ученіе, какъ видимъ, не только не заключало въ себѣ ничего несогласнаго съ общецерковнымъ ученіемъ о Троицѣ, а, напротивъ, содержало въ себѣ не мало важнаго и полезнаго, что способствовало къ его большему, сравнительно съ прежнимъ, раскрытію и вмѣстѣ съ симъ послужило подготовкою для той окончательной формы, какую имѣло получить оно впослѣдствіи въ дальнѣйшій никейскій періодъ“ (стр. 334).

По признанію епископа Сильвестра, рѣшительно нѣтъ ничего ни еретическаго, ни погрѣшительнаго въ ученіи Тертулліана о Св. Троицѣ. Нужно замѣтить,

что богословіе епископа Сильвестра ставится въ господствующей церкви выше всѣхъ другихъ богословскихъ книгъ, оно имѣетъ тамъ значеніе большее, чѣмъ даже изданныя соборомъ опредѣленія (см. „Православно-Русское Слово“, 1904 г., № 5). Неужели въ самомъ дѣлѣ, обвинители бѣлокриницкаго „Устава“, разные Зубаревы, Акципетровы, Кругловы, не знаютъ богословскихъ книгъ своей церкви. А если знаютъ, то почему же они не изобличаютъ въ богохульныхъ ересяхъ своихъ богослововъ, съ такимъ необычайнымъ усердіемъ защищающихъ явное, для всѣхъ понятное еретичество Тертулліана. Очевидно, они сами раздѣляютъ это еретичество и сочувствуютъ защитѣ Тертулліанова ученія со стороны своего лучшаго академическаго, высокоіерархическаго богослова. Какими послѣ сего шутовскими выходками представляются ихъ нападки на совершенно православное ученіе бѣлокриницкаго „Устава“. Сами окончательно погрузились во всякія еретичества, погрѣшности, новаторства, и они еще смѣютъ разсуждать о мнимыхъ заблужденіяхъ старообрядцевъ. Христосъ совѣтовалъ и врачу исцѣлиться самому прежде, чѣмъ приступить къ врачеванію другихъ. А наши обвинители даже не врачи, а какіе-то тупоумные и злые знахари или деревенскіе колдуны. Они покрыты всякими злокачественными нарывами, изъ которыхъ такъ и несетъ еретичествомъ. И вотъ они-то, больные и прокаженные, ползутъ къ намъ со своими ядовитыми пластырями, чтобы, видите ли, излѣчить насъ отъ еретическихъ ранъ.

„По правиламъ вселенскихъ соборовъ (II вс. соб. пр. 7; VI вс. соб. прав. 95-е), исправа отъ ереси проклятаго Арія,—„богословствуетъ“ миссіонеръ Зубаревъ,—должна совершаться только черезъ муропомазаніе—вторымъ чиномъ, а никакъ не иначе. Гдѣ же австрійцы могутъ получить эту исправу, кромѣ единой греко-

россійской „святой Божіей каѳолической и апостольской церкви“? Всѣ австрійскіе лжесвященники и лжеархіереи помазаны мнимымъ мvромъ, свареннымъ и лжеосвященнымъ уже въ скверн҃ѣ аріанско-бѣлокриничной ереси; теперь уже не имѣется у австрійцевъ и того пресловутаго „Іосифовскаго“ мvра, которое имѣется у бѣглопоповцевъ. Такъ пусть бы хоть у бѣглыхъ поповъ, въ бугровской вѣрѣ, „іосифовскимъ“ мvромъ перемазались австрійскіе лжесвященники и лжеархіереи, и тогда бы перемазали недарованно восхищенныхъ ими пасомыхъ, чтобы имѣть хотя бы мнимый видъ „исправы“. Въ дѣйствительности же австрійцамъ необходимо не у бѣглыхъ поповъ, а по правиламъ „святой Божіей каѳолической и апостольской церкви“ очистить себя отъ еретической скверны Арія, клеймо котораго иначе они ничѣмъ не могутъ смыть съ себя“ („Бѣлокриничное старовѣріе“, стр. 15). Т.-е. Зубаревъ призываетъ насъ на очищеніе отъ ереси Арія къ своимъ архипастырямъ, которые ученіе Тертулліана, „что было время, когда Богъ не былъ Отцомъ, равно какъ было время, когда не было Сына“ признаютъ „согласнымъ съ общецерковнымъ ученіемъ о Троицѣ“. Точнѣе говоря, онъ зоветъ насъ на исцѣленіе именно къ самому Арію и его единомышленникамъ.

Прежде миссіонеры доказывали, что старообрядцы варили мvро въ „большомъ самоварѣ“, а теперь утверждаютъ, что оно сварено просто въ „скверн҃ѣ“. Сколько кощунства и шутовства въ приведенной цицатѣ о. Зубарева. Напомнимъ, что это богословское произведеніе костромскаго миссіонера напечатано въ столичномъ миссіонерскомъ журналѣ и прошло чрезъ фильтръ трехъ редакторовъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, гдѣ получило „надлежащую“ литературную обработку. Можно судить по этому произведенію со-

временнаго богослова, какимъ кощунственнымъ, грубымъ и дерзкимъ языкомъ ведутъ миссіонеры публичныя бесѣды съ старообрядцами. Въ столичной печати они ругаются куда энергичнѣе ломовыхъ извозчиковъ, чего же отъ нихъ наслушаются старообрядцы въ глухой провинціи. Вотъ уже подлинно современные „богословы“. Если св. мvро нашей Церкви „сварено, по заявленію о. Зубарева, въ скверн‍ѣ аріанско-бѣлокриничной ереси“, то позволительно спросить, въ чемъ же варится мvро господствующей церкви, какимъ мvромъ помазаны сами современные „богословы“? Тертулліановымъ? Сильвестровымъ? Чѣмъ же оно отличается, выражаясь языкомъ Зубарева, отъ „скверны проклятаго Арія“?

Въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ“ выражено: „Достоитъ разумѣвати, яко Богъ Сыи свѣтъ истинный искони совершенъ и непремѣненъ есть; точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя единосущное во умѣ Слово Сына своего, Его же, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго, въ первомъ изреченіи: „да будутъ вѣцы“ нетлѣнно родилъ“. „Что можетъ быть,—восклицаетъ миссіонеръ Зубаревъ, а съ нимъ и остальные миссіонеры,—нечестивѣе и богохульнѣе этого изреченія“ (стр. 13 „Бѣлокринич. старовѣріе“). Въ „догматическомъ богословіи“ епископа Сильвестра мы находимъ такое изреченіе: „Все было въ Немъ (Отцѣ) и Онъ былъ всѣмъ. Когда же восхотѣлъ и какъ восхотѣлъ, Онъ проявилъ въ опредѣленное имъ время свое Слово, которымъ сотворилъ все... Это Слово родилъ Онъ, какъ Вождя-Совѣтника и Правителя всему сущему. Имѣя Его въ себѣ невидимымъ, Онъ сдѣлалъ Его видимымъ для созданнаго міра, произнося первый звукъ и рождая Свѣтъ отъ Свѣта, Онъ даровалъ Господа творенію,—свой разумъ, который отъ начала былъ видимъ только Ему одному и невиди-

мымъ для созданнаго міра, сдѣлалъ видимымъ, дабы міръ, видя Явившагося, могъ спастись“ („Опытъ догматическаго богословія“, т. II, гл. 2, § 108, стр. 353). Скажутъ ли обвинители бѣлокриницкаго „Устава“ и относительно этого изреченія, что „нечестивѣе и богохульнѣе его не можетъ быть“? Чѣмъ оно отличается отъ изреченія бл. Андрея Цареградскаго. Въ немъ говорится, какъ и у блаж. Андрея, о „первомъ звукѣ“ („первомъ изреченіи“), также сказано, что Отецъ имѣлъ Сына въ умѣ. Но кромѣ этого, въ немъ еще говорится, что Богъ Отецъ „въ опредѣленное имъ в р е м я проявилъ Слово“ и „с д ѣ л а л ъ Его видимымъ для созданнаго міра“, чего нѣтъ у блаж. Андрея, собственно въ его текстѣ, изложенномъ въ бѣлокриницкомъ уставѣ. Если миссіонеры имѣютъ хотя нѣкоторое представленіе о законахъ логики, то они неизбѣжно должны признать и это изреченіе въ книгѣ еп. Сильвестра такъ же, если не болѣе, нечестивымъ и богохульственнымъ, какъ признаютъ они изреченіе блаж. Андрея Цареградскаго въ бѣлокриницкомъ „Уставѣ“. Но въ такомъ случаѣ они поставятъ въ ряды „проклятыхъ и нечестивыхъ еретиковъ“ очень древняго и великаго мужа св. Ипполита, папу римскаго. Приведенное у Сильвестра изреченіе принадлежитъ именно этому св. отцу и учителю древней римской церкви. Епископъ Сильвестръ и въ этомъ изреченіи, конечно, не находитъ ничего еретическаго. „Изъ приведеннаго нами разсужденія Ипполитова не трудно видѣть, — заключаетъ Сильвестръ, — что, подобно Тертулліану, онъ рожденіе Сына относитъ къ домірному времени и Его личное свойство—сыновства поставляетъ, повидимому, въ исключительную зависимость отъ Его внѣшнихъ отношеній къ міру по домостроительству, при чемъ даже утверждаетъ, что не дѣлалъ и Тертулліанъ, что Сынъ явился собственно Сы-

номъ только въ воплощеніи. Но это вовсе не значитъ, чтобы Ипполитъ отвергалъ вѣчное существованіе Сына, а тѣмъ болѣе Его существованіе до воплощенія“ (стр. 354). Обвинителямъ бѣлокриницкаго „Устава“ не остается теперь ничего иного дѣлать, какъ только и самого Сильвестра включить въ ряды „богохульныхъ еретиковъ“ и признать богословіе своей церкви „еретической скверной“, или же сознаться, что сами они впали въ безуміе и поэтому не въ силахъ разобраться, гдѣ ересь и гдѣ православное ученіе. „Познай самого себя и собственную немощь,—говоритъ св. Григорій Богословъ, какъ бы обращаясь изъ глубины вѣковъ къ современнымъ „богословамъ“.—Что жъ, если имѣя въ глазахъ загноеніе или другую какую болѣзнь, не ясно видишь солнце? Что-жъ, если тебѣ кажется все кружащимся, потому что у тебя тошнота или, можетъ быть, ты пьянъ, между тѣмъ, свое незнаніе приписываешь ты другимъ? Гораздо надобно подумать и многое переиспытать, прежде нежели осудить другого въ злочестіи“ (Твор. Гр. Богослова, ч. III, сл. 32, стр. 131). Хотя бы хорошенько усвоили миссіонеры богословіе своей церкви, и это уже въ нѣкоторой степени избавило бы ихъ отъ очевидныхъ ошибокъ и опрометчивыхъ безразсудныхъ выпадовъ противъ старообрядческой Церкви.

Въ „догматическомъ богословіи“ еп. Сильвестра приводятся слова св. Григорія Богослова: „Сынъ и Духъ Святый не безначальны, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстномъ отношеніи, что должно возбуждать удивленіе, и безначальны. Не безначальны въ отношеніи къ Виновнику, потому что какъ свѣтъ изъ солнца, такъ и они изъ Бога, хотя и послѣ Него“ („Опытъ“, т. II, гл. 2, § 119, стр. 433). Именно такъ и выражено: „хотя и послѣ Него“, послѣ Отца.

Это, несомнѣнно, неблагочестивая мысль. Безпардонные обвинители бѣлокриницкаго „Устава“ должны бы сказать: „это нечестивая и богохульная ересь проклятаго Арія“. Къ счастію этой ереси нѣтъ у св. Григорія Богослова, она заключается только у Сильвестра, въ его искаженной передачѣ словъ св. Григорія. Въ подлинныхъ твореніяхъ Гр. Богослова читаемъ: „Сынъ и Духъ Святой не безначальны въ отношеніи къ Виновнику, потому что, какъ свѣтъ изъ солнца, такъ они изъ Бога, хотя и не послѣ Него“ (Твор. Гр. Богослова, час. II, сл. 25, стр. 233). Не послѣ Отца. Трудно сказать, зачѣмъ понадобилось Сильвестру искажать мысль св. отца. Можетъ быть, для того, чтобы и Григорія Богослова поставить на-ряду съ Тертулліаномъ и другими учителями, признававшими, что Сынъ Божій и Духъ Святый явились послѣ Бога Отца. Во всякомъ случаѣ это не корректурная ошибка у Сильвестра. Мы процитировали это мѣсто изъ послѣдняго изданія его книги, провѣреннаго и просмотрѣннаго. Сильвестръ, очевидно, не находилъ ничего погрѣшительнаго въ искаженномъ Григорьевомъ текстѣ. Да и странно было бы съ его стороны видѣть здѣсь ересь послѣ того, какъ онъ призналъ вполнѣ православнымъ ученіе Тертулліана, что „было время, когда Богъ не былъ Отцомъ, равно какъ было время, когда не было Сына“.

Въ богословіи Сильвестра, разумѣется, раздѣляемомъ всей іерархіей господствующаго „православія“, мы отмѣтили лишь тѣ мѣста, въ которыхъ говорится о рожденіи Сына Божія отъ Отца и которыя намъ требовалось сопоставить съ выраженіемъ блаж. Андрея Цареградскаго, внесеннымъ въ бѣлокриницкій „Уставъ“. Изъ этого сопоставленія понятно каждому безпристрастному читателю, какъ неосновательны, недобросовѣстны и нечестны выступленія обвинителей

старообрядчества противъ бѣлокриницкаго „Устава“. Въ задачу настоящаго сочиненія не входитъ разсмотрѣніе другихъ пунктовъ богословія господствующей церкви. Укажемъ лишь на два мѣста, дающихъ понятіе о вѣрованіи господствующей церкви во Св. Троицу и о той удивительной терминологіи, которой выражается это вѣрованіе. Въ Служебной Минеи, напечатанной по благословенію синода въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1787 г., читаемъ въ богородичнѣ: „Безъ матерняго н а н е б е с и паче мысли и слуха, на земли безъ Отца р о д и л а е с и: Того Богородице моли о душахъ нашихъ“ (іюль, 24 дня, служба свв. Борису и Глѣбу, на утрени по 1-й стихологіи). Сохрани Богъ, попалъ бы такой текстъ въ какое-либо старообрядческое сочиненіе. Современные „богословы“ какихъ-бы только ересей не отыскали здѣсь, самыхъ чудовищныхъ и нелѣпыхъ. По этому тексту выходитъ, что Сынъ Божій родился безъ матери на небесахъ, значитъ созданіе небесъ предшествовало рожденію Слова отъ Отца. Можетъ быть, выраженіе „на небеси“ можно объяснить въ возвышенномъ пониманіи, т.-е., что оно употреблено здѣсь въ такомъ же духовномъ смыслѣ, въ какомъ мы представляемъ очи Господа, мышцы, руки и т. п., чтобы такимъ образомъ, дать людямъ болѣе доступное ихъ пониманію опредѣленіе. Но какъ объяснить, что именно Богородица „родила Того“ „безъ матерняго н а н е б е с и“, о чемъ говорится въ приведенномъ богородичнѣ? Неумѣньемъ составителя Минеи точно и понятно выражаться, плохой редакціей текста? Невѣжествомъ и безграмотностью переводчиковъ? Можно, конечно, найти немало извинительныхъ причинъ, почему сложился такой текстъ. Но для этого нужно имѣть безпристрастіе и честность,—качества, отсутствіемъ которыхъ миссіонеры отличаются отъ обычныхъ людей. Прочитавъ по миссіонерски этотъ текстъ, они должны воскликнуть: „что можетъ быть нечестивѣе и богохульнѣе этого изреченія“.

Относительно Сына Божія господствующая церковь не пришла къ одному опредѣленному вѣрованію— какъ нужно мыслить Его во Св. Троицѣ: въ двухъ естествахъ—Божескомъ и человѣческомъ или только въ одномъ Божескомъ? Въ „Житіи“ св. Евфросина Псковскаго говорится: „Да увѣмъ извѣстно, какъ уста благословляютъ пріятно имя совершенно, Единосущнаго въ Троицѣ, безъ порока, въ Божествѣ и человѣчествѣ“... Рѣчь идетъ здѣсь, какъ это понятно и безъ поясненія, о Сынѣ Божіемъ. Онъ, по „Житію“ преподобнаго Евфросина, вѣруется во Св. Троицѣ въ двухъ естествахъ—Божескомъ и человѣческомъ. Такое вѣрованіе Питиримъ, митр. нижегородскій, призналъ въ извѣстной книгѣ „Пращица“ противнымъ св. Церкви мудрованіемъ и явно еретическимъ. По понятію Питирима, Сына Божія должно признавать въ обоихъ естествахъ только тогда, когда мы Его представляемъ „Единаго отъ Троицы“. А кто будетъ вѣровать, что и во Св. Троицѣ Единосущный Сынъ Божій въ двухъ естествахъ, тотъ, по заключенію Питирима, всей Троицѣ „наноситъ пріятіе плоти“. „Зри здѣ всякъ,— богословствуетъ Питиримъ,—яко писатель преподобнаго Евфросина, вышеписаннымъ противнымъ о Бозѣ мудрованіемъ показуетъ быти неправославна: понеже показуетъ имя Единосущнаго въ Троицѣ, въ Божествѣ и человѣчествѣ, и симъ наноситъ пріятіе плоти не единыя ипостаси, но всея Св. Троицы. И таковое противное о Бозѣ мудрованіе не буди намъ и помыслити на преподобнаго Евфросина: онъ бо имя Единосущнаго Бога въ Троицѣ славимаго и покланяемаго не мудрствовалъ въ человѣчествѣ быти, якоже оный писатель, но мудрствовалъ Единаго отъ Троицы Единороднаго Сына во двою естеству, въ Божествѣ и человѣчествѣ. И по сему писатель, якоже прежде еретикъ показася, провѣдуя воплотившагося Духа Святого, тако и здѣ явный еретикъ обрѣтеся,

показуя имя Единосущнаго въ Троицѣ, Божествѣ и человѣчествѣ, сирѣчь просто рещи· вся Троица въ Божествѣ и человѣчествѣ, и таковое мудрованіе всей св. Церкви по всему противно“ („Пращица“, отвѣтъ на 18 вопросъ, лис. 69 по изд. 1752 г.). „Пращицу“ издалъ правительствующій синодъ. Она выражаетъ вѣрованія и взгляды не Питирима только, но всей синодальной іерархіи. Составитель „Пращицы“ и издатель ея, повидимому, и не подозрѣвали, что они свою же церковь осудили въ „явномъ еретичествѣ“. То, что выражено въ „Житіи“ пр. Евфросина, мы находимъ въ книгѣ „Скрижаль“, утвержденной соборомъ 1667 г. и другихъ книгахъ господствующей церкви. „Яко идѣже, —говорится въ „Скрижали“,—познавается или исповѣдуется таинство Святыя Троицы въ образованіи, или въ именѣхъ, тамо есть Сынъ Божій во двою естеству“ (стр. 8). „Еже треми первыми персты воображати на лицѣ нашемъ честный крестъ, и симъ исповѣдати Святыя Троицы тайну вкупѣ и смотрѣніе“ (стр. 806). Зри здѣ всякъ, — заключимъ словами „Пращицы“, — яко симъ противнымъ о Бозѣ мудрованіемъ „Скрижаль“ показуетъ себя быти неправославна: понеже показуетъ имя Единосущнаго въ Божествѣ и человѣчествѣ и симъ наноситъ пріятіе плоти не единыя ипостаси, но всея Св. Троицы“. „И посему“ весь соборъ 1667 г., утвердившій своимъ авторитетомъ книгу „Скрижаль“, по суду Питирима, „явнымъ еретикомъ обрѣтеся“.

Не мало вызываетъ недоумѣній ученіе господствующей церкви о самобытности Бога Отца, о крестныхъ страданіяхъ Христа, о значеніи искупительной Его жертвы. Неясность, неопредѣленность и противорѣчія въ изложеніи догматовъ о Богѣ, Христѣ, Церкви, таинствахъ и многихъ другихъ „вещахъ“ въ богословскихъ сочиненіяхъ пастырей и богослововъ господствующей церкви заставляютъ признавать богословіе ея сомни-

тельнымъ и нечуждымъ еретичества. Объ этомъ составлено нами особое сочиненіе: „Блуждающее богословіе“ (обзоръ вѣроученія господствующей церкви). Въ настоящей же брошюрѣ мы хотѣли лишь указать, что наши обвинители, сами запутавшись въ непролазной тинѣ всякихъ заблужденій, погрѣшностей, ересей, совершенно напрасно и некстати лѣзутъ къ намъ съ своими обличеніями и обвиненіями, которыя ихъ же поражаютъ и осуждаютъ.

VI.

Послѣдняя опора.

Статьи наши „Современные богословы“, печатавшіеся въ журналѣ „Церковь“, привели въ ярость миссіонеровъ господствующей церкви. Отъ нихъ мы получили очень почтенное количество ругательныхъ писемъ, преимущественно анонимныхъ. Безсильные защитить богословіе своей церкви основательной аргументаціей, они утѣшаютъ себя одною лишь бранью. Плохое, конечно, утѣшеніе,—что и говорить,—но что же дѣлать, если другого нѣтъ. Это — послѣдняя ихъ опора.

Обратили свое вниманіе на наши статьи и старообрядцы, пріемлющіе священство, переходящее къ нимъ отъ господствующей церкви. Ихъ интересовалъ, главнымъ образомъ, вопросъ о богословіи бѣлокриницкаго „Устава“. Всѣ лица этого старообрядческаго согласія, прислащія письма по поводу нашихъ статей, единодушно заявляютъ, что у старообрядцевъ-бѣглопоповцевъ осталось теперь единственное основаніе, почему они не могутъ принять священство Бѣлокриницкой іерархіи: это — богословіе бѣлокриницкаго „Устава“. „Съ своей стороны я считаю, — пишетъ намъ А. Т. Моревъ,—единственную гра-

ницу (препятствующую бѣглопоповцамъ примириться съ Бѣлокриницкой іерархіей) въ предѣлахъ бѣлокриницкаго „Устава“. „Если бы мы не сомнѣвались въ богословіи „Устава“,— заявляетъ въ письмѣ къ намъ и А. Е. К—нъ,—то не знаю, за что же намъ дѣлиться“. Въ такомъ видѣ заявленія и другихъ лицъ.

Нельзя не вѣрить ихъ искренности. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего теперь дѣлиться съ нами нашимъ братьямъ-бѣглопоповцамъ? Раньше они высказывали сомнѣніе относительно крещенія митрополита Амвросія, перваго бѣлокриницкаго святителя. Въ настоящее же время это сомнѣніе совсѣмъ разсѣяно. Цѣлый рядъ бѣглопоповскихъ и безпоповскихъ депутацій, ѣздившихъ съ нарочитою цѣлью на родину митрополита Амвросія — изслѣдовать греческое крещеніе, рѣшительно, убѣжденно свидѣтельствуетъ, что въ греческой церкви крещеніе совершается трехпогружательно и что митрополитъ Амвросій не иначе могъ быть крещенъ, какъ только въ три погруженія. То же подтверждаютъ и греческіе соборы, и греческіе Требники, и требованіе греческой церкви перекрещивать латинъ при ихъ обращеніи къ ней, какъ крещенныхъ обливательно. Въ греческой Кормчей — „Пидаліонъ“ — обливательное крещеніе признается еретическимъ, сквернымъ и ничтожнымъ (стр. 246). Можно ли послѣ сего сомнѣваться въ истинности и законности совершеннаго надъ Амвросіемъ крещенія?

Въ то же время относительно крещенія дѣйствующихъ нынѣ у бѣглопоповцевъ іереевъ, а также и прежде служившихъ у нихъ, есть основанія высказывать большія и печальныя сомнѣнія. Всѣ они крещены въ такой церкви, которая считаетъ трехпогружательное крещеніе и обливательное равносильными и принимаетъ къ себѣ обливанцевъ-латинъ только подъ третій чинъ, признавая и обливательное крещеніе ихъ, и муропомазаніе дѣйствительными и благодатными

таинствами. Цѣлыя епархіи господствующей церкви сплошь крестятъ обливательно. Съ большимъ разборомъ приходится принимать отъ такой церкви пастырей Что же касается ихъ нравственныхъ качествъ, то объ этомъ лучше не говорить. Второй всероссійскій съѣздъ бѣглопоповцевъ, провѣрявшій документы своихъ іереевъ, призналъ только треть наличнаго состава бѣглопоповскаго священства возможнымъ допустить до служенія *). Это — безпримѣрный крахъ священства.

Сомнѣвались прежде бѣглопоповцы и относительно архіерейскаго достоинства митрополита Амвросія. Утверждали, что онъ до перехода своего въ старообрядчество былъ запрещенъ отъ священнодѣйствія. Теперь же и это утвержденіе, вздорное и клеветническое, окончательно опровергнуто. До сихъ поръ никто изъ обвинителей старообрядческой іерархіи не сумѣлъ указать, за какую же собственно вину митрополитъ Амвросій подлежалъ запрещенію. Всѣ поиски этой вины оказались неудачными. Безспорные же документы, офиціальные и историческіе, неопровержимо удостовѣряютъ, что митрополитъ Амвросій никогда не состоялъ подъ запрещеніемъ священнослуженія. Даже послѣ его ухода изъ константинопольской церкви надъ нимъ не было произнесено формальнаго суда со стороны греческой іерархіи. Въ послѣднее время миссіонеры господствующей церкви всѣ усилія употребляютъ, чтобы чѣмъ-нибудь оскандалить старообрядческую іерархію. Результатомъ этихъ усилій явилась дотолѣ никому неизвѣстная грамота патріарха константинопольскаго Анѳима къ русскому правительствующему синоду. Ее отыскалъ въ синодальномъ архивѣ миссіонеръ о. Д. Александровъ и опубликовалъ въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“. Это —

*) См. Труды II-го съѣзда бѣглопоповцевъ, стр 58—59.

единственный документъ, которымъ пытался о. Александровъ доказать, что митрополитъ Амвросій состоялъ подъ запрещеніемъ. Почтеннаго дѣятеля миссіи соблазнили былыя лавры извѣстнаго миссіонера Питирима, автора еще болѣе извѣстной книги „Пращицы“. Питиримъ въ своихъ обличеніяхъ старообрядчества пользовался подложнымъ дѣяніемъ на небывалаго еретика Мартина, тоже извлеченнымъ изъ синодальныхъ нѣдръ, а о. Александровъ задумалъ, въ подражаніе своему предшественнику, попользоваться апокрифической грамотой патріарха Анѳима. Обоихъ ихъ постигла одинаковая горькая неудача. Подложное дѣяніе синодъ скрылъ подъ спудомъ, его устыдились показать даже историку Карамзину. Такая же участь постигла и открытіе о. Александрова. На просьбу старообрядцевъ къ синоду разрѣшить имъ просмотрѣть открытую о. Александровымъ грамоту и перевести ее съ греческаго языка на русскій для всеобщаго ознакомленія съ ней, синодъ отвѣтилъ отказомъ удовлетворить эту просьбу (см. журн. „Церковь“, 1908 г., № 44). На требованіе же наше къ миссіонерамъ—напечатать въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ грамоту Анѳима полностью и въ „подлинномъ“ ея изложеніи они отвѣчаютъ упорнымъ молчаніемъ. Видно, конецъ питиримовскихъ подвиговъ не совсѣмъ прельщаетъ современныхъ миссіонеровъ. Одинъ изъ нихъ, именно костромской миссіонеръ Е. Зубаревъ, печатно заявилъ свое сомнѣніе относительно разрытой о. Александровымъ грамоты („Миссіонерское Обозрѣніе“, 1907 г., № 1, стр. 160 — 161). Едва ли старообрядцы-бѣглопоповцы будутъ ссылаться на столь плачевный документъ.

Было время, бѣглопоповцы ставили въ вину Бѣлокриницкой іерархіи единоличное рукоположеніе митрополитомъ Амвросіемъ себѣ преемника. Но теперь, когда на трехъ всероссійскихъ съѣздахъ своихъ они

рѣшили пріобрѣсти себѣ епископа съ тѣмъ, разумѣется, чтобы онъ совершалъ у нихъ всѣ епископскія обязанности, въ томъ числѣ и рукоположеніе себѣ преемника, — говорить объ единоличной хиротоніи, совершенной митрополитомъ Амвросіемъ, имъ очень неудобно. Это значило бы самихъ себя судить. Руководители современнаго бѣглопоповства прекрасно знаютъ, что въ древней Церкви величайшіе ея святители въ крайне стѣснительномъ положеніи совершали единолично епископскую хиротонію Такъ дѣйствовали св. Аѳанасій Великій, св. Евсевій Самосатскій, Августинъ и др. Можно ли осуждать за подобныя же дѣянія старообрядческую іерархію, если она находилась въ болѣе стѣснительныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ поименованные святители. Въ послѣднее время со стороны бѣглопоповцевъ совсѣмъ не слышно этого осужденія.

За что же они могутъ теперь осуждать Бѣлокриницкую іерархію, когда такъ основательно раскрыта и доказана ея истинность и законность? Въ чемъ они могутъ ее еще упрекать? „Никоея же обрѣтаю вины въ человѣцѣ семъ“, — сказалъ нѣкогда Пилатъ о Христѣ. Но его вѣдь не послушала разъяренная толпа, вдохновляемая архіереями, и требовала распять Христа.

Казалось бы, нужно только радоваться, что съ теченіемъ времени такъ основательно рухнули всѣ преграды, раздѣлявшія насъ и созданныя въ свое время на почвѣ печальныхъ недоразумѣній и вздорныхъ слуховъ. Наступилъ пламенно жданный моментъ соединенія разрозненныхъ братьевъ въ одну Церковь, подъ водительство одной законной и вполнѣ благочестивой іерархіи. Нужно бы употребить всѣ усилія съ обѣихъ сторонъ, чтобы ускорить и прочно закрѣпить это единство церковное. Для этого великаго святого дѣла, совершителей котораго Христосъ упо-

добилъ Сыну Божію, необходимо оставить въ сторонѣ всѣ личные счеты, непріязни, личное самолюбіе и т. п., что бываетъ нерѣдко причиною разрушенія добраго дѣла. Но исконный врагъ мира не спитъ, онъ постоянно работаетъ надъ злымъ дѣломъ вражды, раздора и смуты. „Мужъ хотяй раздѣлитися, — говоритъ Премудрый, — вины ищетъ". Къ глубокому нашему прискорбію, мы встрѣчаемъ и среди бѣглопоповцевъ такихъ мужей, которые съ необыкновеннымъ усердіемъ ищутъ вину за нашей іерархіей, чтобы чѣмъ-нибудь поддержать существующее въ старообрядчествѣ раздѣленіе изъ-за митрополита Амвросія. Въ самое послѣднее время они подняли вопросъ о богословіи Бѣлокриницкаго „Устава" и этотъ „Уставъ" ставятъ теперь преградою совсѣмъ почти налаженному единству церковному. Они искренни въ своихъ заявленіяхъ, что это единственная граница, раздѣляющая насъ, другихъ нѣтъ. Но едва ли они искренни въ признаніи дѣйствительности этой границы.

Трудно допустить, чтобы бѣглопоповцы не знали, когда и кѣмъ составленъ и подписанъ бѣлокриницкій „Уставъ. Подъ „Уставомъ" значится, что онъ подписанъ 6 іюня 1841 года. Подъ нимъ имѣются подписи слѣдующихъ лицъ: настоятеля Бѣлокриницкаго монастыря инока Іоиля, казначея инока Геннадія, уставщика инока Геронтія, головщика клироса инока Алимпія, ризничнаго инока Ануфрія, соборнаго старца и эконома инока Іосифа, пономаря инока Игнатія, келаря инока Іосифа и письмоводителя монастыря инока Павла. Всего подписало девять иноковъ. Подумали бы бѣглопоповцы, выдвигающіе теперь „единственную границу" нашего раздѣленія, чьи это иноки? Отъ лица какихъ старообрядцевъ они составляли „Уставъ"? Догматы какой старообрядческой Церкви они излагали въ немъ? Бѣглопоповцы знаютъ, конечно,

что митрополитъ Амвросій присоединился къ старообрядческой Церкви 28 октября 1846 г. Болѣе чѣмъ за пять лѣтъ до сего присоединенія „Уставъ“ уже существовалъ. Кому же онъ принадлежалъ за это время? Кто являлся отвѣтственнымъ за его изложеніе, за его догматы? Подъ „Уставомъ“ . нѣтъ подписи ни одного изъ членовъ Бѣлокриницкой іерархіи. Въ то время еще не было бѣлокриницкихъ рукоположеній. Мало этого. Тогда еще не было извѣстно, какой іерархъ вступитъ въ лоно старообрядческой Церкви. Бѣглопоповцы съ нескрываемой гордостью заявляютъ, что до присоединенія митр. Амвросія они составляли собою истинную Церковь старообрядческую, а съ митр. Амвросіемъ пошла будто бы въ старообрядчествѣ новая бѣлокриницкая Церковь. Всѣ девять иноковъ, подписавшихъ „Уставъ“ бѣлокриницкій, были представителями и руководителями того именно старообрядчества, которое и современные бѣглопоповцы признаютъ своимъ роднымъ, своею Церковью-матерью. Бѣлокриницкіе иноки излагали ученіе именно этой Церкви, а не другой какой-либо. Обличая бѣлокриницкій „Уставъ“ въ погрѣшностяхъ, современные бѣглопоповцы осуждаютъ свою церковь, бичуютъ самихъ себя. Что сказали бы никоніане, если бы мы стали обличать въ какихъ-либо заблужденіяхъ предшественника Никона — благочестиваго патріарха Іосифа или церковь русскую его времени. Не въ правѣ ли они намъ сказать, что мы порочимъ с в о ю Церковь, заушаемъ с в о ю мать, въ отступленіи отъ которой мы осуждаемъ Никона и его единомышленниковъ. Такъ дѣло обстоитъ и съ бѣлокриницкимъ „Уставомъ“. Болѣе чѣмъ за пять лѣтъ до присоединенія къ намъ митр. Амвросія с а м и б ѣ г л о п о п о в ц ы (наши общіе предки), ихъ лучшіе и разумнѣйшіе представители составили „Уставъ“ и изложили въ немъ ученіе своей Церкви и до сихъ поръ онъ нигдѣ, ни на какомъ ихъ

соборѣ не отвергнутъ и не осужденъ. До сихъ поръ онъ есть ихъ собственность, ихъ твореніе, какъ, напримѣръ, до настоящаго времени изданныя патр. Іосифомъ книги считаются іосифовскими, а не никоновскими, изданныя Филаретомъ — филаретовскими, а не другого какого-либо патріарха. И хотя мы вполнѣ принимаемъ эти книги, совершаемъ по нимъ службы, но никто не скажетъ, что онѣ отъ этого стали бѣлокриницкими книгами, онѣ попрежнему остаются филаретовскими и іосифовскими книгами, пока сами эти патріархи не отрекутся отъ нихъ и не осудятъ ихъ. Отъ этого „Устава", подписаннаго бѣлокриницкими иноками, бѣглопоповцы до сего дня не отреклись. Поэтому мы вправѣ считать этотъ „Уставъ" бѣглопоповскимъ, какъ составленный ихъ благочестивыми предками задолго до присоединенія къ старообрядчеству митр. Амвросія.

Но въ чемъ же обвиняютъ свой „Уставъ" современные бѣглопоповцы? Они идутъ въ своихъ обвиненіяхъ на буксирѣ миссіонеровъ господствующей церкви и буквально повторяютъ миссіонерскія нападки на „Уставъ". Въ предыдущихъ главахъ мы подробно разобрали ихъ. Здѣсь нѣтъ нужды снова останавливаться на нихъ. Но выслушать заявленіе бѣглопоповцевъ, выдвигающихъ бѣлокриницкій „Уставъ", какъ „единственную границу" существующаго между нами раздѣленія, слѣдуетъ. Оно покажетъ, насколько прочна эта граница, созданная самими бѣглопоповцами. „Въ „Уставѣ" сказано,—пишетъ намъ А. Т. Моревъ,— что Богъ бѣ въ молчаніи и сотвори вѣка и роди Сына. Отсюда и вытекаетъ, что Сынъ Божій родился не прежде всѣхъ вѣкъ, какъ это сказано святыми отцами I-го вселенскаго собора въ символѣ вѣры. Отцы бѣлокриницкаго монастыря будто бы не знали, что I-й вселенскій соборъ такъ утвердилъ символъ вѣры, при чемъ останавливаются на изреченіи одного

частнаго лица, блаж. Андрея Цареградскаго. Какая же необходимость бѣлокриницкихъ отцовъ заставила такой вселенскій богословскій фундаментъ переложить на новый ладъ?".

Вотъ въ чемъ заключается указанная бѣглопоповцами граница. Обидно за г. Морева, что онъ вмѣстѣ съ обвиненіемъ бѣлокриницкаго „Устава" перенялъ отъ никоніанскихъ миссіонеровъ ихъ дурные пріемы полемики — искажать смыслъ приводимыхъ изъ книги мѣстъ. Скорѣе всего, г. Моревъ самъ и не читалъ бѣлокриницкій „Уставъ", а довѣрился мутнымъ миссіонерскимъ источникамъ и отсюда почерпнулъ свои свѣдѣнія о богословіи бѣлокриницкаго „Устава". Иначе, какъ же объяснить его предположеніе, что бѣлокриницкіе отцы будто бы не знали догмата 1-го вселенскаго собора о рожденіи Сына Божія прежде всѣхъ вѣкъ. Бѣлокриницкіе отцы не только знали этотъ догматъ не хуже своихъ обвинителей, исповѣдали его каждый день, но внесли его въ составленный ими „Уставъ" именно какъ фундаментъ своей вѣры. Вотъ что говорится въ четвертой главѣ бѣлокриницкаго „Устава", озаглавленной „Догматъ вѣры": „Догматъ вѣры хистіанскаго исповѣданія, старо-греческаго закона, блюстительно содержимъ,—заявляютъ составители „Устава",— по сущему изложенію въ слѣдующемъ: Во единаго Бога вѣруемъ по символу вѣры сице: „Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единаго Господа Ісуса Христа, Сына Божія, единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго, прежде всѣхъ вѣкъ", и прочее..." (См. стр. 41 „Уставъ", въ приложеніи къ „Исторіи Бѣлокр. іерархіи", Н. Субботина, изд. 1874 г.). Вслѣдъ за символомъ вѣры бѣлокриницкіе отцы повторяютъ: „Купно исповѣдуемъ и равно вѣруемъ: во Святую Троицу, нераздѣльную и несказанную, равносильную, и равнобожную, и неописанную, равносо-

вѣтную и равноразумную, единосущную и собезначальную, единоначальную и трисоставную, еже есть: во Отца Бога нерожденнаго, въ Сына Бога, отъ Отца рожденнаго, и въ Духа Святаго, иже отъ Отца исходящаго. Не бо единъ отъ единаго раздѣлишася когда: бяше бо Отецъ присно съ Сыномъ, и Сынъ бяше присно съ Отцомъ и Духомъ вкупѣ. Сице поклоняемся и славимъ Святую Троицу во Единицѣ и Единицу въ Троицѣ, нераздѣльное въ тріехъ составѣхъ едино Божество" (тамъ же, стр. 41). Нужно имѣть полную душевную слѣпоту, чтобы не видѣть въ „Уставѣ" столь яснаго и столь пламеннаго исповѣданія вѣры во Св. Троицу и рожденіе Сына Божія прежде всѣхъ вѣкъ. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, — твердо и непреклонно заявляютъ намъ бѣлокриницкіе отцы о себѣ, — что Сынъ Божій рожденъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ. Слышите: „прежде всѣхъ вѣкъ". Это мы „блюстительно содержимъ", — твердятъ намъ составители бѣлокриницкаго „Устава". Это—догматъ „нашей вѣры христіанскаго исповѣданія старовѣрческаго закона",—убѣжденно и искренно опять они повторяютъ свое вѣрованіе, точно предчувствуя, что ихъ вѣра будетъ заподозрѣна. „Сице мы поклоняемся и славимъ Святую Троицу".

Утверждать послѣ сего, что бѣлокриницкіе отцы перемѣнили „богословскій фундаментъ" перваго вселенскаго собора „на новый ладъ", — значитъ явно недобросовѣстно клеветать на нихъ. Какъ не страшатся современные бѣглопоповцы, въ родѣ г. Морева, клеветать на своихъ предковъ, обвинять въ ереси свою Церковь, отъ имени которой составленъ бѣлокриницкій „Уставъ".

Что же касается изреченія блаженнаго Андрея Цареградскаго, то за него вините, если вамъ

угодно, этого святого древней Церкви. Судите его, если на это хватитъ у васъ дерзости. Но зачѣмъ же его изреченіе ставить въ вину бѣлокриницкимъ отцамъ. Относясь съ величайшимъ благоговѣніемъ къ св. Андрею Цареградскому, они не посмѣли даже сдѣлать какое-либо объясненіе къ его тексту. Обличители же „Устава“ дерзко искажаютъ изреченіе блаж. Андрея. Такъ поступаетъ съ нимъ, къ сожалѣнію, и г. Моревъ. По глаголу св. Андрея, сотворенію вѣковъ предшествовало изреченіе Бога Отца, т.-е. рожденіе Сына Божія (стр. 20 „Устава“); а г. Моревъ этотъ глаголъ передаетъ въ совершенно обратномъ смыслѣ, что Богъ прежде сотворилъ вѣка, а потомъ родилъ Сына.

Такова-то „единственная граница“ нашего раздѣленія, воздвигаемыя нынѣ современными бѣглопоповцами. Эта граница раздѣляетъ ихъ совсѣмъ не съ нами, а съ ихъ предками, они заслоняются ею отъ той Церкви, отъ имени которой болѣе чѣмъ за пять лѣтъ до присоединенія къ ней митр. Амвросія былъ составленъ „Уставъ“; закрываются они ею и отъ блаж. Андрея Цареградскаго. Собственно его-то одного они и ставятъ преградой къ соединенію съ Бѣлокриницкой іерархіей. Не изъ-за ереси какой-либо, придуманной въ средѣ нашей Церкви, они дѣлятся съ нею, а изъ-за древняго святого отца и даже не изъ-за него, а изъ-за невѣрно понятаго ими его изреченія. Такое изреченіе о рожденіи Сына Божія мы находимъ и у другихъ древнихъ отцовъ Церкви: св. Ипполита, папы римскаго, св. Ефрема Сирина, св. Александра, епископа александрійскаго. Не явится ли когда-либо охота у обвинителей Бѣлокриницкой іерархіи и этихъ свв. отцовъ поставить „границей“ раздѣленія между нами.

Прискорбно, что современные бѣглопоповцы ищутъ не сближающихъ насъ пунктовъ, а придумываютъ „границы“, чтобы продолжить печальное раздѣленіе,

питающееся одними лишь недоразумѣніями и недовѣріемъ другъ къ другу. Конечно, не всѣ бѣглопоповцы такъ настроены. Огромное большинство ихъ готово протянуть намъ руку мира. Вѣримъ, что миръ этотъ состоится. Господь устроитъ его.

ФУНДАМЕНТ... БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Гл. Стр.

Предисловіе. .. .. 3.

I. Современные богословы. ..... 7.

II. Въ чемъ ересь бѣлокриницкаго устава. ... 14.

III. Защита бѣлокриницкаго устава. ..... 27.

VI. Святоотеческое богословіе. ..... 35.

V. Богословіе пастырей господствующей церкви. ..... 41.

VI. Послѣдняя опора. .... 56.

